

Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ.

ХІІІ ¹⁾.

Переписка Мнишека съ Димитріемъ.—Причины, по которымъ Мнишеки медлили отъѣздомъ въ Москву.—Отъѣздъ.—Встрѣча на границѣ.—Торжественная встрѣча въ Смоленскѣ.—Пріѣздъ воеводы въ Москву и аудіенція у цара.—Торжественный въѣздъ Марины.—Аудіенція польскихъ пословъ.—Недоразумѣніе по поводу императорскаго титула.

а другой день послѣ обрученія своей дочери, Мнишекъ отправилъ въ Москву гонца съ извѣстіемъ о благополучномъ совершении этого обряда²⁾. Самозванецъ, весьма обрадованный этимъ, тотчасъ отвѣтилъ ему и просилъ поспѣшить пріѣздомъ, «не стѣсняясь путевыми издержками»³⁾.

Недѣли двѣ спустя онъ снова писалъ воеводѣ, торопя его отъѣздомъ, и выражалъ желаніе какъ можно чаще получать извѣстія отъ своей невѣсты и ея отца⁴⁾, но его просьбы и напоминанія не повели ни къ чему; хотя Мнишекъ и условился съ Власьевымъ, выѣхавшемъ изъ Кракова 18-го декабря 1605 г., что онъ послѣдуетъ вскорѣ за нимъ и будетъ въ Москвѣ не праже конца масленицы,—но онъ и не думалъ исполнить своего обѣщанія. Онъ писалъ царю, что ему придется отложить отъѣздъ, и жаловался на затруднительное положеніе, въ которое былъ поставленъ тѣмъ, что Бучинскій еще не привезъ ему денегъ.

3-го января 1606 г. Бучинскій пріѣхалъ наконецъ, и кромѣ ве-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1899 г.

²⁾ Hist. Russiae Mon. т. II, стр. 158.

³⁾ Собр. гос. грам. и дог. ч. II, № 110.

⁴⁾ Тамъ же, № 116.

любѣльныхъ подарковъ привезъ Мишеку 300.000 злотыхъ и 50.000 для его сына Станислава, старосты саноцкаго. Казалось, теперь не было уже болѣе причины оттягивать отъѣзда, но воевода смотрѣлъ на дѣло иначе. Хотя онъ и выѣхалъ 22-го числа того же мѣсяца изъ Кракова, но вмѣсто того, чтобы отправиться въ Москву, онъ поѣхалъ сначала къ своему сыну въ Саноку, а затѣмъ пробылъ долгое время въ Самборѣ, не уведомивъ даже царя о томъ, когда его можно было ожидать.

Между тѣмъ Дмитрій терялъ терпѣніе; 29-го января онъ снова писалъ своему будущему тестю, требуя объясненія по поводу его странныхъ поступковъ; въ то же время Бучинскій предупреждалъ Мишека, что царь сильно гнѣвается, не получая писемъ отъ своей невѣсты.

Чѣмъ же руководствовались Мишека, отецъ и дочь, поступая такимъ образомъ? Они дѣйствовали подъ вліяніемъ совершенно различныхъ побужденій.

Дмитрій, какъ свидѣтельствуютъ современники, велъ въ Москвѣ очень веселую и разгульную жизнь, въ которой, помимо поляковъ, принимали участіе нѣкоторые бояре, какъ на примѣръ князь Василій Мясальскій, Басмановъ и Молчановъ.

Слухи о его шумныхъ пирушкахъ и увеселеніяхъ, которыя не обходились безъ участія прекраснаго пола, достигли до Польши; Марина была ими возмущена, въ особенности тѣмъ, что она узнала о его близкихъ отношеніяхъ къ красавицѣ Ксеніи, сестрѣ Бориса Годунова, которая жила долгое время въ царскомъ дворцѣ; желая показать ему свое неудовольствіе, Марина не отвѣчала на его письма и не спѣшила въ Москву.

Отецъ ея откладывалъ отъѣздъ по другой причинѣ: несмотря на все стараніе сохранить тайну переговоровъ, которые велись клеветами Шуйскихъ съ Сигизмундомъ, воевода въ скоромъ времени узналъ о нихъ; нашлись услужливые и расположенные къ нему люди, которые сочли долгомъ предупредить его объ опасности, угрожавшей ему въ Москвѣ; это заставляло его глубоко призадуматься.

Главная цѣль, ради которой онъ принялъ участіе въ судьбѣ Дмитрія, была уже почти достигнута; онъ уплатилъ всѣ числившіяся за нимъ недоимки казѣ и всѣ свои частныя долги, и получилъ отъ Самованца такіе цѣнныя подарки, стоимость которыхъ превышала состояніе многихъ магнатовъ. Стояло ли ему послѣ этого рисковать жизнью? Но съ другой стороны его положеніе, какъ близкаго родственника царя, сулило въ будущемъ такія выгоды его родѣ, въ сравненіи съ коими все имъ полученное было каплею въ морѣ. Было надъ чѣмъ призадуматься! Онъ рѣшилъ повременить отъѣздомъ, въ надеждѣ, что опасность, угрожавшая Самованцу, минуетъ.

Однако ему не долго пришлось оставаться въ выжидательномъ положеніи, такъ какъ изъ Москвы прибывали въ Самборъ гонецъ за гонцомъ съ письмами отъ царя, въ которыхъ онъ настойчиво требовалъ, чтобы Мишкекъ не мѣшкая вѣхалъ съ дочерью въ Москву. Не получая отвѣта ни на одно изъ своихъ писемъ, Дмитрій послалъ наконецъ въ Самборъ Власьева, чтобы онъ узналъ лично о причинѣ такого промедленія.

Прибывъ въ Самборъ, Власьевъ отправился прямо къ Маринѣ и въ присутствіи ея отца долго разговаривалъ съ нею, «упрекая ее за то, что она медлила отъѣздомъ»¹⁾.

Воевода не могъ долѣе уклониться отъ поѣздки.

2-го марта 1606 г. онъ тронулся въ путь съ дочерью, сопровождаемый многочисленною свитой родныхъ и друзей, въ числѣ которыхъ былъ іезуитъ ксендзъ Каспаръ Савицкій и семеро монаховъ бернардиновъ. Каждый изъ этихъ лицъ имѣлъ при себѣ нѣсколько человекъ челяди и нѣсколько лошадей.

Въ свитѣ Марины было 215 человекъ, въ свитѣ ея отца—415 человекъ. Оба его брата взяли съ собою по 100 человекъ каждый, князь Вишневецкій 215 человекъ и т. д. Въ общемъ, весь поѣздъ состоялъ изъ 2.200 человекъ, поэтому для соблюденія порядка въ пути, воевода составилъ подробное росписаніе (которое сохранилось въ одной изъ частныхъ бібліотекъ г. Вильно) о томъ, въ какомъ порядкѣ должны были слѣдовать одни за другимъ экипажи, кареты, коляски, телѣги съ вещами и верховыя лошади, гдѣ именно кто долженъ былъ останавливаться въ пути; за малѣйшее нарушеніе этихъ правилъ полагалось строгое наказаніе.

Путешествіе въ весеннее время года, при тогдашнемъ плохомъ состояніи дорогъ, было сопряжено со всевозможными затрудненіями и совершалось весьма медленно: въ день проѣзжали не болѣе 4 или 5 миль. Черезъ недѣлю по отъѣздѣ изъ Самбора, Марина прибыла со своею свитою въ Люблинъ, гдѣ былъ назначенъ довольно продолжительный отдыхъ.

Тутъ она посѣтила, 10-го марта, коллегію іезуитовъ, гдѣ ее встрѣтили торжественно; ученики произнесли въ ея присутствіи рѣчи въ стихахъ и прозѣ, на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Но 14-го марта путешественники выѣхали уже изъ Люблина, такъ какъ отъ царя снова прибылъ гонецъ съ требованіемъ, чтобы они слѣшили.

Изъ Люблина Мишкеки направились на Брестъ и Слонимъ, гдѣ «литовскій канцлеръ предложилъ имъ роскошное угощеніе». Они провели у него страстную субботу и первый день Пасхи.

¹⁾ Hist. Russiae. Monum. т. II, стр. 159.

Слѣдующая остановка была въ Несвижѣ; тутъ Марину такъ же торжественно привѣтствовали іезуиты, а воевода виленскій Николай Радзивиллъ роскошно угощаль ее ¹⁾).

Въ Минскѣ Миншеки отдыхали три дня; и тутъ, какъ пишетъ въ своемъ дневникѣ Діаментовскій, они получили 'присланные царемъ 35.000 злотыхъ на'путевыя издержки.

12-го апрѣля Марина прибыла въ Оршу; переправа черезъ Днѣпръ задержала ее три дня; по случаю половодья всѣ мосты были снесены.

18-го числа она достигла со своей святой границы Московскаго государства, гдѣ ее ожидали бояре, Михаиль Нагой и князь Василій Масальскій со свитою, конхъ царь послалъ «поздравить ее съ благополучнымъ приѣздомъ» и сопровождать ее въ дальнѣйшемъ путешествіи.

Въ тотъ же день Марина прибыла въ село Красное — первый ночлежъ на московской землѣ, гдѣ для ея остановки былъ построенъ домъ.

По пути во всѣхъ селахъ ей выходилъ на встрѣчу народъ съ духовенствомъ во главѣ и подносилъ хлѣбъ-соль.

Два дня спустя, въ Лубнахъ Марину торжественно привѣтствовало посольство, присланное Самозванцемъ. Когда Марина подѣзжала къ этому селу, «мы увидѣли издали, пишетъ Нѣмоевскій, до 1.500 верховыхъ, ожидавшихъ насъ въ полѣ-милѣ отъ села. Около мѣста нашей остановки стояло 100 человекъ, въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ кафтанахъ; они низко кланялись, когда государыня проѣзжала мимо нихъ» ²⁾).

При выходѣ изъ экипажа, одинъ изъ присланныхъ царемъ бояръ привѣтствовалъ ее, передалъ ей письмо отъ Димитрія и просилъ назначить аудіенцію посланнымъ, которые ожидали въ ближайшемъ селѣ.

Нареченная невѣста Димитрія приняла ихъ въ тотъ же день вечеромъ въ просторной избѣ, обитой пестрой китайкой и устланной ковромъ. Посреди комнаты возлѣ стола, покрытаго краснымъ бархатомъ, былъ приготовленъ въ видѣ трона стулъ, обитый таковымъ же бархатомъ, возлѣ котораго Марина, окруженная своими приближенными, стоя ожидала пословъ.

«Дядя» Димитрія, Михаиль Нагой, а за нимъ князь Масальскій говорили рѣчи, желая ей добраго здоровья и благополучнаго царствованія. Имъ отвѣчалъ Мартинъ Стадниціей, воспитатель Марины, и когда онъ спросилъ отъ ея имени о здоровьи Димитрія, то они воскликнули:

— Дай Богъ здоровья государю! Когда мы уѣхали онъ былъ въ добромъ здоровьи.

¹⁾ Велевицкій, стр. 120 и 121.

²⁾ Hist. Russ. Monum. т. II, стр. 160.

Затѣмъ они были допущены Мариною къ рукѣ, такъ-же какъ и прочіе ихъ спутники.

На другой день Марина торжественно совершила свой вѣздъ въ Смоленскъ. Впереди всѣхъ ѣхали возы съ вещами и вели верховыхъ лошадей; за ними слѣдовали родные и друзья семейства Мнишекъ и страды московской конницы, рота гусаръ, самъ воевода со святою, приближенные Марины и послы, прибывшіе отъ Дмитрія, и наконецъ ѣхала невѣста со своей жандармской прислугой.

На встрѣчу ей вышла несмѣтная толпа народа. Въ предмѣстьи, по обѣ стороны стояли въ два ряда стрѣльцы; у вѣзда въ городъ ожидали ее монахи съ образомъ Пресвятой Богородицы, къ которому Марина приложилась. Жители Смоленска поднесли ей хлѣбъ-соль и три сорока соболей.

На слѣдующій день князь Василій Масальскій угощалъ воеводу и его друзей обѣдомъ.

Отдохнувъ два дня въ Смоленскѣ Марина отправилась 24-го апрѣля далѣе на Дорогобужъ, Вязьму и Можайскъ. Въ Вязьмѣ, Юрій Мнишекъ расстался съ дочерью, поѣхавъ по желанію царя впередъ, чтобы условиться съ нимъ относительно брачной церемоніи и другихъ празднествъ.

Царскаго тестя ожидала въ Москвѣ блестящая встрѣча; принявъ его въ торжественной аудіенціи, царь пожаловалъ ему три великолѣпныхъ перстня, оцѣненные въ 10.000 золотыхъ каждый, и пригласилъ его къ своему столу. На слѣдующій день Мнишекъ посѣтилъ въ Вознесенскомъ монастырѣ «мать» царя, а на третій день для него была устроена охота на медвѣдя, окончившаяся паромъ.

5-го мая Марина прибыла въ подмосковное село Вязьмы, гдѣ ей пришлось обождать четыре дня, такъ какъ еще не были окончены приготовления къ ея торжественному вѣзду въ столицу, который совершился 12-го мая.

Для встрѣчи царской невѣсты на Дѣвичьемъ полѣ былъ разбитъ огромный шатеръ, передъ которымъ былъ разостланъ великолѣпный коверъ. Сюда, съ ранняго утра собрались, 12-го мая, думные бояре и придворные чины въ роскошныхъ одѣяніяхъ, сверкавшихъ золотомъ и драгоценными камнями, отряды кавалеріи и стрѣльцовъ и несмѣтная толпа народа. Возлѣ шатра стояли тѣлохранители Дмитрія, 600 стрѣльцовъ и рота польскихъ гусаръ. Самъ царь прибылъ на Дѣвичье поле передѣтый, чтобы удостовѣриться, все ли въ порядкѣ и, сдѣлавъ послѣднія распоряженія, возвратился въ Кремль.

На Маринѣ было въ этотъ день бѣлое атласное платье французскаго покроя, роскошно отдѣланное жемчугомъ и драгоценными камнями.

Пріѣхавъ на Дѣвичье поле, она вышла изъ кареты и прошла въ приготовленный для нея шатеръ.

— Когда она немного оправилась съ дороги,—разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ, — то явились привѣтствовать ее думные бояре, отъ имени которыхъ говорилъ князь Василій Шуѣйскій; ему отвѣчалъ за Марину Мартинъ Стадницкій, благодаря за пріемъ.

Затѣмъ бояре подвели Маринѣ большую карету, похожую на рыдванъ, въ которую надобно было подниматься по пяти ступенямъ, обитымъ краснымъ бархатомъ. Карета, обитая такимъ же бархатомъ, была украшена свади серебрянымъ царскимъ гербомъ и запряжена двѣнадцатью чубарыми лошадьми. Когда Марина сѣла въ нее, поѣздъ тронулся.

Ея торжественный вѣздъ въ Москву описанъ подробно Массою ¹⁾, Нѣмоевскимъ ²⁾, Буссовымъ, и другими современниками и походилъ на всѣ подобнаго рода торжества, поэтому излишне было бы на немъ останавливаться.

Вѣхавъ въ Кремль, Марина вышла изъ кареты у Вознесенскаго монастыря, гдѣ находилась въ то время мать Димитрія. У воротъ монастыря ее встрѣтили сорокъ монахинь, изъ коихъ двѣ провели ее въ ту комнату, гдѣ ее ожидала стоя мать государя; возлѣ нея стоялъ самъ Димитрій. Оба они не двинулись съ мѣста, какъ того требовалъ обычай, а Марина съ низкимъ поклономъ подошла къ Марѣ и сказала ей длинную рѣчь; затѣмъ поздоровалась съ Димитріемъ.

Марина осталась въ Вознесенскомъ монастырѣ до самой свадьбы и коронаціи.

Одновременно съ нею прибыли въ Москву польскіе послы, Николай Олесницкій и Александръ Госневскій, чтобы быть представителями Сигизмунда на свадьбѣ; имъ было поручено продолжать переговоры, начатыя съ Димитріемъ о заключеніи съ нимъ союза.

На другой день по пріѣздѣ была назначена аудіенція у царя пословъ и приближенныхъ Марины Мишкевъ.

13-го мая 1606 г. вся свита Марины и польскіе послы собрались по утру въ Кремль и въ десятомъ часу отправились въ царскія палаты на аудіенцію, которая происходила въ Грановитой палатѣ въ присутствіи двора, думныхъ бояръ и высшаго духовенства и ознаменовалась весьма бурной сценой.

Первыми представлялись царю приближенные Марины; ихъ ввелъ князь Василій Масальскій, а Аѳанасій Власевъ «по списку» читалъ ихъ фамиліи. Они подходили по-очереди и цѣловали у царя руку. Когда

¹⁾ Масса, т. I, стр. 149—153, т. II, стр. 161—165.

²⁾ Нѣмоевскій, к. 8—10.

представленіе было окончено, Мартинъ Стадницкій произнесъ длинную рѣчь, въ которой, вспоминая о тѣсныхъ узлахъ дружбы, соединявшихъ нѣкогда «предковъ» царя съ польскимъ народомъ, онъ выразилъ надежду, что его бракъ съ дочерью воеводы укрѣпитъ дружбу, существовавшую между обоими народами, и позволитъ имъ обратить свое оружіе противъ невѣрныхъ, ко благу всего христіанскаго міра.

Ему отвѣчалъ краткой рѣчью Власьевъ, а затѣмъ приказано было ввести пословъ его величества короля польскаго. Когда они вошли въ сѣни, предшествовавшія Грановитой палатѣ, къ нимъ былъ посланъ воевода сандомирскій, съ приказаніемъ предупредить ихъ, чтобы, обращаясь къ царю, они называли его императоромъ.

«Воевода выходилъ къ нимъ нѣсколько разъ, пишетъ очевидецъ этой аудіенціи Нѣмоевскій, и снова возвращался, но всё его увѣщанія остались безуспѣшны, послы должны были сообразоваться съ данной имъ инструкціей¹⁾; тѣмъ болѣе что по пути въ Москву литовскій канцлеръ еще разъ строжайше подтвердилъ имъ, чтобы «при отдачѣ подарковъ, и во всѣхъ переговорахъ, которые они будутъ вести отъ имени короля польскаго и Рѣчи Посполитой, они не давали царю императорскаго титула, а называли бы его по-прежнему государемъ и великимъ княземъ московскимъ»²⁾).

Видя, что послы не соглашались исполнить его требованіе, Дмитрій рѣшилъ не настаивать и приказалъ двумъ боярамъ ввести ихъ. Какъ только они вступили въ залъ, окольникій Милулинъ возвѣстия громкимъ голосомъ объ ихъ прибытіи.

— Послы его величества короля польскаго бьютъ челомъ вашему императорскому величеству!—провозгласилъ онъ.

Подойдя къ царю, послы сняли шапки, низко поклонились и одинъ изъ нихъ, перечисливъ всѣ титулы Сигизмунда, сказалъ, вручая свою вѣрительную грамоту, что его величество король польскій прислалъ ихъ поздравить его со вступленіемъ на престолъ³⁾.

Принявъ отъ посла грамоту, Власьевъ передалъ ее царю; а Дмитрій, увидя, что въ ней не было упомянуто его царскаго титула, приказалъ возвратять ее Олесницкому, на томъ основаніи, что это письмо было писано не ему, а «какому то князю всея Россіи». Возвращая письмо, Власьевъ сказалъ:

— Тутъ нѣтъ никакого князя всея Россіи, а есть только его импе-

¹⁾ Инструкція эта, помѣченная 6-го февраля 1606 г. находится въ рукописи въ Муз. XX Czartoryskich 101 (№ 7) и 2101 стр. 25—40.

²⁾ Рр. Муз. XX. Czrtor. 101 № 22.

³⁾ Конца съ этой грамоты въ рукоп. Муз. XX. Czartoryskich 2101, стр. 24—25.

раторское величество, Дмитрій Ивановичъ, великій царь всея Россіи. Возьмите это письмо и отдайте его вашему государю.

Посолъ замѣтилъ, что это оскорбленіе, нанесенное королю и всей Рѣчи Посполитой, и просилъ позволенія удалиться, не имѣя въ такомъ случаѣ возможности исполнить возложенное на него порученіе.

Тогда Дмитрій, желая говорить съ посломъ, велѣлъ одному изъ бояръ снять съ него корону и, обратясь къ Олесницкому, сказалъ, что хотя и не принято, чтобы монархъ, сидя на тронѣ, разговаривалъ съ послами, но что онъ вынужденъ къ этому, такъ какъ король отказываетъ ему въ надлежащемъ титулѣ, хотя онъ неоднократно заявлялъ ему, что онъ не князь и не государь, а императоръ и имѣетъ полное право на этотъ титулъ, такъ какъ въ его обширныхъ владѣніяхъ есть не только князья и государи, но даже короли, которые ему подвластны.

— Всѣ прочіе монархи призываютъ за нами императорскій титулъ, сказалъ онъ, одинъ только король польскій наноситъ намъ это оскорбленіе.

Этотъ споръ продолжался довольно долго. Напомнивъ Дмитрію, что во время пребыванія въ Польшѣ онъ видѣлъ доказательства пріязни къ себѣ со стороны короля польскаго, посолъ сказалъ:

— Какъ вы платите намъ за это, государь, видитъ всякій. Вы забыли, что вы возсѣли на престолъ при помощи поляковъ, которые проливали за васъ свою кровь! вмѣсто благодарности мы видимъ съ вашей стороны неблагодарность, вмѣсто дружбы вы платите намъ неприязню. Вы пренебрегаете желаніями и дружбою его королевскаго величества; это можетъ повести къ войнѣ. Мы беремъ Бога въ свидѣтели, что вы, государь, а не мы будемъ виновны, если произойдетъ разрывъ съ королемъ и Рѣчью Посполитой.

Эти слова страшно разсердили Дмитрія. Онъ отвѣчалъ еще болѣе гордымъ тономъ:

— Король польскій, отказывая намъ въ должномъ титулѣ, оскорбляетъ не только насъ, но самаго Бога и весь христіанскій міръ! Мы объявили, что онъ имѣетъ въ насъ брата и друга, какого Польша никогда не имѣла. Но мы убѣждаемся теперь, что намъ надобно остерегаться его болѣе, нежели кого либо изъ нехристіанскихъ монарховъ, и что намъ придется обратить противъ него оружіе, которымъ мы хотѣли поразить невѣрныхъ!

Несмотря на эту угрозу, Самозванецъ немного погоды успокоился. Увидавъ, что послы собирались уходить, онъ сказалъ:

— Скажите мнѣ, панъ Олесницкій, если бы вамъ прислали письмо, на которомъ не было бы обозначено ваше званіе, приняли бы вы его? Но зная вашу пріязнь къ намъ и зная, что вы намъ всегда желаете

добра, мы хотимъ оказать вамъ уваженіе не какъ послу, а какъ нашему другу. Подойдите къ нашей рукѣ.

Сказавъ это, Дмитрій протянулъ ему руку, какъ бы привѣтствуя его.

Но Олесницкій отвѣчалъ:

— Всемилостивѣйшій государь! Я благодаренъ вамъ за милость, какую вы благоволите оказать мнѣ, но такъ какъ вы не желаете принять меня какъ посла, то я не могу сдѣлать того, что вы требуете!

— Такъ подойдите же какъ посоль, сказалъ Дмитрій.

— Я подойду только въ томъ случаѣ, сказалъ Олесницкій, желая исполнить свою обязанность до конца,—если вы примите, государь, письмо его королевскаго величества.

Когда Дмитрій изъявилъ на это свое согласіе, тогда только оба посла подошли къ его рукѣ, поздравили его отъ имени короля съ обрученіемъ и передали объ его готовности заключить съ Дмитріемъ союзъ для борьбы съ невѣрными.

Черезъ часъ послѣ аудіенціи къ посламъ прибылъ Василій Бутурлинъ, который привезъ имъ обѣдъ съ царскаго стола. «Тутъ было до ста блюдъ», пишетъ Нѣмоевскій; все было подано на золотыхъ блюдахъ, но кушанья по качеству не соответствовали не только золотой, но даже и глиняной посудѣ ¹⁾).

Когда послы удалились, царь отправился въ новый дворецъ, гдѣ принялъ въ конфиденціальной аудіенціи свиту своей будущей супруги и затѣмъ пригласилъ ихъ всѣхъ къ столу. Пиршество продолжалось по обыкновенію довольно долго, но не особенно удовлетворило гостей. Тотъ же Нѣмоевскій говоритъ, что «обѣдъ былъ очень простой и далеко не изысканный».

XIV.

Марина переѣзжаетъ во дворецъ.—Ея коронованіе и бракосочетаніе съ Дмитріемъ.—Брачный пиръ.—Споръ съ польскими послами о мѣстѣ за столомъ.—Ихъ переговоры съ думными боярами.—Весѣда Самованца съ ксендзомъ Савицкимъ.—Ошибки, сдѣланныя Самованцемъ.—Его враги подстрекаютъ противъ него народъ.—Мятежъ.—Смерть Дмитрія.—Издѣвательство надъ нимъ бояръ.

Дмитрій ежедневно навѣщалъ Марину въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ она прожила до дня своей свадьбы; 15-го мая онъ подарилъ ей шкатулку съ драгоценностями, которыя были оценены въ

¹⁾ Нѣмоевскій, тамъ же, V, 15—24.

500.000 рублей. Такъ какъ она не могла ѣсть кушанья, приготовляемыя русскими, то ей былъ присланъ поваръ полякъ, который «вмѣня въ своемъ распоряженіи ключи отъ царской кладовой и погреба, готовилъ ей кушанья по ея вкусу» ¹⁾. Несмотря на это, жизнь въ монастырѣ и строгія монастырскія правила не нравились Маринѣ и ея прислужницамъ; послѣднія до того тосковали, что царь, желая ихъ успокоить, обѣщалъ отпустить ихъ по первому желанію въ Польшу ²⁾. Къ тому же, несмотря на всѣ старанія и домогательства, къ Маринѣ не допускали ни одного ксендза ³⁾, что было ей весьма неприятно, такъ какъ 14-го и 15-го мая католическая церковь праздновала день св. Троицы.

Узнавъ о томъ, что Марина недовольна жизнью въ монастырѣ, Дмитрій рѣшилъ тотчасъ перевести ее во вновь построенный имъ дворецъ. Во избѣжаніе толпы ея переездъ совершился въ ночь съ 16 го на 17-е мая, но тѣмъ не менѣе былъ обставленъ весьма торжественно; на слѣдующій день, 18-го мая, совершалось ея коронованіе и бракосочетаніе съ Дмитріемъ, о чемъ возвѣстилъ жителямъ столицы съ ранняго утра колокольный звонъ.

Во избѣжаніе большого скопленія народа у воротъ царскаго дворца было выстроено 800 стрѣльцовъ. Весь путь, по которому должнъ былъ слѣдовать царь, былъ устланъ красномъ сукномъ. Во дворецъ съ ранняго утра собрались бояре, придворные, польскіе послы и родные и пріятель Маринны.

Торжество началось обрученіемъ, которое происходило въ столовой новаго царскаго дворца, откуда царь вмѣстѣ съ своей невѣстою отправился въ Грановитую палату, гдѣ для нихъ было приготовлено два трона; вслѣдъ за ними вошли по ихъ приглашенію польскіе послы, къ которымъ окольникій Григорій Микулинъ обратился съ рѣчью, благодаря въ ней короля польскаго за то, что онъ прислалъ на это торжество своихъ представителей и дозволилъ воеводѣ и его дочери пріѣхать въ Москву ⁴⁾.

¹⁾ Hist. Russiae Monum., т. II, стр. 171.

²⁾ Hist. Russ. Monum., тамъ же.

³⁾ Wielewicki, тамъ же, стр. 141.

⁴⁾ Собр. гос. грам. и дог., ч. II, 138. По свидѣтельству очевидцевъ, во время происходившихъ при бракосочетаніи обрядовъ были допущены значительныя отступленія отъ древнихъ обычаевъ, но многіе историки, къ томъ числу Костомаровъ (стр. 336), основываясь на инструкціи, написанной для этого церемониала самимъ Дмитріемъ, утверждаютъ, что во время бракосочетанія Самованца строго соблюдались древніе обычаи. Сличая съ этой инструкціей показанія очевидцевъ, оказывается, что на самомъ дѣлѣ были допущены довольно значительныя отступленія отъ нея. Полагая, что слѣдуетъ придавать болѣе вѣры свидѣтельству очевидцевъ, которые видѣли, какъ все

Немного погода вошелъ патриархъ, несшій царскую корону, которую онъ далъ поцѣловать Димитрію и Маринѣ, а затѣмъ, сопровождаемый многочисленнымъ духовенствомъ, отнесъ ее въ Успенскій соборъ.

Тогда началось торжественное шествіе въ соборъ; впереди шло до ста придворныхъ, за ними шестьдесятъ думныхъ бояръ, четыре оруженосца съ сѣкирами на плечахъ; передъ царемъ шелъ его собственный оруженосецъ Михайла Шуйскій съ обнаженнымъ мечомъ. За нимъ, окруженный стрѣльцами, шелъ царь въ парчевой одеждѣ, вышитой жемчугомъ и сапфирами, съ широкими бармами на плечахъ. По правую руку отъ него шелъ посолъ короля польскаго, а по лѣвую его дядя Михайла Нагій, царскій конюшій. За нимъ шла царица въ длинномъ парчевомъ сарафанѣ, вышитомъ жемчугомъ и въ красныхъ сапожкахъ¹⁾. Рядомъ съ нею по правую руку шелъ ея отецъ, воевода сендомірскій, а по лѣвую княгиня Мстиславская, въ ярко-красномъ платьѣ, съ золотымъ кокошникомъ на головѣ; за нею шли пріятельницы Марины и четыре боярина; прочимъ особамъ ея свиты не было дозволено выходить изъ ихъ помѣщенія.

Когда царь вступилъ со свитою въ соборъ, то двери были заперты и кромѣ самыхъ знатныхъ особъ въ церковь никто не былъ допущенъ. Димитрій приложился къ мощамъ и къ св. иконамъ; его примѣру послѣдовала Марина и вся свита. Затѣмъ Димитрій вошелъ на возвышеніе, обитое краснымъ сукномъ, на которомъ стояло три трона, осипанныхъ драгоценными камнями. Средній, самый высокій, предназначался для царя; слѣва стоялъ тронъ для Марины, справа для патриарха; первые два были обиты краснымъ, а послѣдній чернымъ бархатомъ. Между возвышеніемъ и главнымъ алтаремъ сидѣло на лавкахъ духовенство. По другую сторону были размѣщены думные бояре, польскіе послы и «друзья» царицы.

Передъ началомъ коронаціи нѣсколько священниковъ прочли установленныя молитвы. Это продолжалось съ четверть часа. «Когда они умолкли, пишетъ очевидецъ этого событія, Нѣмоевскій, два священника взяли корону и бармы, лежавшія передъ алтаремъ на двухъ золотыхъ блюдахъ, и поднесли ихъ патриарху, который, благословивъ корону и обидевъ ее ениміамомъ, возложилъ на голову великой княжнѣ, а затѣмъ, благословивъ ее и поцѣловалъ въ плечо, она же, наклонивъ голову, приложилась къ его митрѣ. Когда патриархъ сѣлъ на свое мѣ-

происходило и а сам о м ѣ д ѣ л ѣ, нежели инструкціи, написанной заранее, авторъ изслѣдованія о Самозванцѣ описываетъ бракосочетаніе Димитрія, придерживаясь именно этихъ свидѣтельскихъ показаній. В. В.

¹⁾ По словамъ Буссова (тамъ же, стр. 43) Марина весьма неохотно надѣла русскій костюмъ, уступивъ въ этомъ случаѣ только настоятельной просьбѣ Димитрія. В. В.

сто, то священники по-парно стали подходить къ трону, благословляли великую княжну и прикасались двумя пальцами ея лба и плечъ, а затѣмъ такъ же, какъ патріархъ, цѣловали ее въ плечо.

Съ такою же точно церемоніею патріархъ надѣлъ ей на шею цѣль Мономаха и бармы — широкій воротникъ, ниспадающій на плечи и украшенный драгоцѣнными камнями и изображениями святыхъ. По окончаніи этого обряда, присутствующіе приблизились къ Маринѣ и привесли ей поздравленія.

Затѣмъ была отслужена обѣдня, а по окончаніи ея совершенно обрядъ бракосочетанія. По существующему обычаю Марина приобщилась св. тайнъ изъ рукъ патріарха, хотя она и не получила на это разрѣшенія изъ Рима ¹⁾. Самозванецъ постарался скрыть это обстоятельство отъ поляковъ. Во время причастія Власевъ предложилъ однимъ изъ нихъ выйти изъ церкви, говоря, что обрядъ вѣнчанія вскорѣ окончится, а другимъ объяснилъ, что новобрачные не приобщались, что это былъ только «обрядъ, совершаемый въ воспоминаніе о бракѣ въ Канѣ галлейской».

Всѣ эти обряды продолжались съ полудня до вечера. Когда царь вышелъ наконецъ со своею свитою изъ церкви, то онъ приказалъ двумъ боярамъ бросать золотыя монеты, выбитыя въ память этого торжества: на одной сторонѣ находилось изображение Дмитрія съ мечомъ и латинской надписью «aetatis suae 24», а на другой двуглавый орелъ съ изображеніемъ на груди единорога и съ надписью на русскомъ языкѣ царскаго титула.

Діаментовскій рассказываетъ, что русскіе съ такою жадностью кидались на эти монеты, что при этомъ даже произошла драка. Совершенно иначе держали себя поляки. «Царь, увидавъ что тутъ стояло нѣсколько важныхъ поляковъ, пишетъ тотъ же авторъ, велѣлъ бросить имъ нѣсколько монетъ, но ни одинъ изъ нихъ даже не нагнулся, чтобы поднять ихъ, а когда одному нѣсколько монетъ попало на шапку, то онъ сбросилъ ихъ на землю, тряхнувъ головою».

Вышедши изъ собора, Дмитрій подозвалъ польскихъ пословъ и сказалъ:

— Сегодня мы не можемъ пригласить васъ на обѣдъ, такъ какъ мы очень утомлены длинной церемоніей, но завтра вы будете приглашены къ нашему столу.

Послы вернулись къ себѣ, а бояре и прочіе гости проводили новобрачныхъ во дворецъ.

Нѣмоевскій отмѣчаетъ нѣсколько незначительныхъ, но довольно характерныхъ подробностей, которыя бросились ему въ глаза при совер-

¹⁾ Hist. Russii: Monum., стр. 171—172.

шеніи брачнаго обряда. Во время обѣдни Дмитрій подозвалъ Василія Шуйскаго и велѣлъ подать себѣ скамейку, поднявъ сперва одну, а затѣмъ другую его ногу поставить ихъ на эту скамью. Поляки были чрезвычайно удивлены этимъ и говорили:

— Его величество король не даетъ подобныхъ приказаній даже своему оруженосцу! Слава Богу, что мы избавлены отъ подобнаго рабства! ¹⁾

Поляки имѣли въ то время обыкновеніе входить въ церковь съ шапкой на головѣ; это чрезвычайно раздражало русскихъ, поэтому они сыграли съ каштеляномъ малогосскимъ слѣдующую штуку. Когда Дмитрій, войдя въ соборъ, клалъ земные поклоны передъ иконами, то Олесницкій, который велъ его подъ руку, снялъ свою венгерскую шапку. Власьевъ сдѣлалъ видъ, что онъ хочетъ поддержать шапку, взявъ ее у него изъ рукъ и велѣлъ унести изъ церкви. Доведя Самозванца до возвышенія, посолъ хотѣлъ надѣть шапку, но Власьевъ отдѣлался отъ него шуточками, и Олесницкій получилъ свою шапку обратно только тогда, когда онъ вышелъ изъ собора. Бояре смѣялись, говоря:

— Вотъ какъ мы одурачили литовца!

На слѣдующій день, рано утромъ, царь послалъ къ польскимъ по сламъ своего дьяка Грамотина просить ихъ на обѣдъ и велѣлъ имъ сказать, что онъ угоститъ ихъ «какъ пословъ своего брата».

— Мы увѣрены, сказали на это послы, что насъ посадятъ за столъ на такое же мѣсто, какимъ почтилъ вашего посла король во время обрученія въ Краковѣ, посадивъ его за свой собственный столъ.

— У насъ, возразилъ на это Грамотинъ, никто не можетъ сидѣть за однимъ столомъ съ царемъ, кромѣ царьцы.

Тогда послы стали доказывать, что такъ какъ Сигизмундъ оказалъ особое вниманіе Власьеву, то король въ правѣ требовать, чтобы и тѣмъ, кто пріѣхалъ въ качествѣ его представителей, было оказано подобное же уваженіе.

— Если оно не будетъ намъ оказано, сказали они, то намъ придется уѣхать домой. Поэтому мы просимъ довести объ этомъ до свѣдѣнія думныхъ бояръ и привезти намъ ихъ отвѣтъ.

Грамотинъ вернулся черезъ часъ съ извѣстіемъ, что думные бояре рѣшили посадить пословъ за другимъ столомъ, по правую руку отъ государя. Этотъ отвѣтъ не могъ ихъ удовлетворить, такъ какъ въ давней имъ инструкціи строго-на-строго было приказано требовать, чтобы хотя старшій посолъ, а именно каштелянъ малогосскій сидѣлъ за однимъ столомъ съ Дмитріемъ; они снова стали убѣждать Власьева, что царь долженъ исполнить это законное требованіе Сигизмунда.

¹⁾ Hist. Russiae Monum., т. II, стр. 108.

Споръ продолжался цѣлый часъ, но не привелъ ни къ какому результату.

Полчаса спустя къ нимъ снова прѣхалъ Власевъ и старался уговорить ихъ. Послы долго спорили и наконецъ, видя что имъ не удастся настоять на своемъ, объявили, что въ такомъ случаѣ они вовсе не поѣдутъ на обѣдъ во дворецъ ⁽¹⁾.

Свадебный пиръ происходилъ въ Грановитой палатѣ. По правую руку отъ государя сидѣли три родственницы государыни и пять московскихъ боярынъ, по лѣвую руку—воевода сендомірскій, его родные и друзья. Поодаль были поставлены столы для иноземныхъ купцовъ и для поляковъ, прислуживавшихъ государынѣ.

На Димитріи былъ гусарскій мундиръ и высокая шапка изъ черной бумрой лисацы, которую онъ снялъ вошедши въ палату, оставшись въ ермолкѣ, унизанной жемчугомъ; на царцѣ былъ польскій костюмъ, а на головѣ корона, которую она не снимала во время обѣда.

Какъ только въ палату вошелъ Димитрій, два священника прочитали положенныя молитвы, освятили воду, окропили ею столъ и удалились; послѣ этого присутствующихъ посадили за столъ по составленному заранее списку.

Вотъ какъ описываетъ этотъ пиръ одинъ изъ поляковъ, на немъ присутствовавшихъ.

«Когда мы усѣлись, въ залу вошли до тридцати стольниковъ, которые, подходя по-парно, били челомъ государю и затѣмъ удалились. Тогда вошли четыре стольника съ блюдами и стали рядомъ, держа блюда въ рукахъ. Къ столу, за которымъ сидѣлъ государь, подошли два кравчихъ и поставили на столъ нѣсколько тарелокъ и блюдо съ ломтями хлѣба, которые они раздавали по куску всѣмъ сидѣвшимъ ближе къ государю, сказавъ каждому нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Получившіе хлѣбъ били челомъ государю, а прочіе кланялись ему, благодаря за государеву ласку; онъ отдавалъ каждому поклонъ.

«По раздачѣ хлѣба, кравчіе взяли отъ стольниковъ блюда и поставили ихъ на столъ передъ государемъ. Вскорѣ намъ подали тѣ самыя кушанья, которыя были приготовлены для царя. Тотъ, кто хотѣлъ ѣсть, долженъ былъ принести съ собою ножъ. Тарелокъ не полагалось: рускіе ѣли руками, бросая кости на скатерть или обратно на блюдо. Такъ какъ это былъ день постный—пятаца, то обѣдъ состоялъ преимущественно изъ рыбныхъ блюдъ; изъ соленой рыбы: осетрины, бѣлуги и судака.

«Угощеніе состояло изъ разныхъ сластей, привезенныхъ изъ Польши и обычныхъ въ то время угощеній въ Россіи: сахара, варенья, меду и проч.

¹⁾ Hist. Russiae Monum., т. II, стр. 108—110.

«За обѣдомъ государь пилъ за здоровье поляковъ, которымъ подносилъ золотыя чарки съ виномъ; когда онъ выпилъ вторично за ихъ здоровье, то они подходили къ нему одинъ за другимъ, и Дмитрій собственноручно подавалъ имъ чарки, которыя они тутъ же опоражнивали.

«По окончаніи обѣда царь всталъ и подалъ каждому изъ думныхъ бояръ кубокъ меду; затѣмъ священники прочли благодарственные молитвы, окропили царя святою водою, и мы проводили его во вновь выстроенный дворецъ. Русскіе удалились, а полякамъ царь велѣлъ остаться, приказавъ позвать музыкантовъ и подать вина; онъ пилъ за здоровье каждаго изъ насъ отдѣльно и дружески и по просту съ нами бесѣдовалъ и шутилъ».

Дмитрій любилъ веселую, непринужденную бесѣду, а подъ вліяніемъ выпитаго вина говорилъ очень свободно; позволялъ себѣ шутить надъ Сигизмундомъ, надъ нѣмецкимъ императоромъ и даже надъ папою; онъ предложилъ полякамъ танцевать. Узнавъ, что въ передней были польскіе солдаты, онъ велѣлъ отворить двери и говорилъ съ ними, изъявляя имъ свою благодарность и обѣщая щедро вознаградить ихъ за службу; онъ пилъ за ихъ здоровье и каждому подалъ собственноручно кубокъ, чѣмъ они были очень тронуты и общались всегда слушать ему вѣрою и правдою.

Свадебныя пиршества продолжались нѣсколько дней.

На слѣдующій день (20-го мая) Маринѣ подносили подарки патриархъ, духовенство, бояре, купцы и мѣщане, которые были допущены къ ея рукѣ и отъ имени царя и царицы приглашены на обѣдъ ¹⁾; на немъ присутствовали также и польскіе солдаты, которыхъ Дмитрій особенно отличалъ въ этотъ день: пилъ за ихъ здоровье и, желая снять ихъ расположеніе, обѣщалъ дать каждому изъ нихъ «по сто злотыхъ на лошадь», по сорока соболей и по штукѣ парчи ²⁾.

Въ тотъ же день польскіе послы собрались на совѣщаніе къ Миншеку, на которое прибыли многіе другіе поляки; жалуюсь на оскорбленіе, нанесенное имъ царемъ, послы спрашивали совѣта, какъ имъ поступить. Воевода взялся быть посредникомъ между ними и царемъ.

На слѣдующій день (21-го мая) послы отправились во дворецъ, чтобы поднести Маринѣ подарки, присланные Сигизмундомъ. По окончаніи аудіенціи, Власевъ, отъ имени царя, пригласилъ ихъ на обѣдъ.

— Его императорское величество проситъ васъ, — сказалъ онъ, — какъ пословъ короля польскаго, отвѣдать его хлѣба-соли.

— Мы и раньше отвѣдали бы его хлѣбъ-соль, — отвѣчалъ каште-

¹⁾ Масса, тамъ же, т. I, стр. 159—160, т. II, стр. 171—172.

²⁾ „Hist. Russiae Monum.“, т. II, стр. 111, 172.

лянъ малогосскій, если бы насъ посадили на такое мѣсто, на какое нашъ король посадилъ вашу милость.

Дмитрій сказалъ на это:

— Я приглашалъ короля польскаго ко мнѣ на свадьбу ¹⁾ и сдумѣю подобающимъ образомъ почтить особу его королевскаго величества. Я приглашаю васъ на обѣдъ только какъ пословъ.

Олесницкій хотѣлъ возразить на это, но въ дѣло вмѣшался воевода и послѣ долгихъ преній ему удалось, наконецъ, уладить его. Царь и посланники порѣшили споръ на томъ, что такъ какъ, по существовавшему издавна обычаю, который строго соблюдался въ Москвѣ, никто не могъ сидѣть съ царемъ за однимъ столомъ, кромѣ его супруги, то рядомъ съ ихъ столомъ будетъ поставленъ маленькій столикъ, за который сядетъ каштелянъ малогосскій. Второй посолъ сядетъ за другимъ столомъ, который будетъ стоять четырьмя ступенями ниже царскаго ²⁾.

Дѣйствительно, Олесницкій былъ посаженъ за особый столикъ, рядомъ съ царскимъ, а Госневскій сидѣлъ на первомъ мѣстѣ за другимъ столомъ.

Послѣ перваго блюда одинъ изъ кравчихъ поднесъ царю великолѣпный хрустальный кубокъ съ виномъ. Вставъ и обратясь къ Олесницкому, Дмитрій осушилъ кубокъ за здоровье Сигизмунда; затѣмъ, когда кубокъ снова наполнили, онъ подалъ его каштеляну малогосскому. Немного погодя онъ пилъ за здоровье второго посла, а затѣмъ, чрезъ Яна Бучинскаго, велѣлъ ему подойти за кубкомъ и осушить его за здоровье короля. Но Госневскій не согласился на это.

— Это будетъ несогласно съ достоинствомъ моего монарха, коего я являюсь представителемъ,—сказалъ онъ.—Пусть его величество прикажетъ мнѣ подать кубокъ.

Царь такъ разсердился, услыжавъ это, что будто бы даже сказалъ Бучинскому:

— Если онъ не подойдетъ сію минуту, я вею выбросить его въ окно!

Правда, Бучинскій не передалъ этихъ словъ послу, но умолялъ его не противиться желанію Дмитрія.

¹⁾ Въ „Hist. Russiae Monumenta“ Тургенева (т. II, стр. 112) слова Дмитрія приведены такъ: „Jam Króla polskiego na wesele nie prosif“. (Я короля польскаго на свадьбу не просилъ). Между тѣмъ, во всѣхъ рукописяхъ этого дневника, вмѣсто слова *nie* стоитъ „*Swe*“ свою (напр. Rps. Bibl. Ossol. 1389, стр. 22); несомнѣнно, что такъ именно и долженъ былъ сказать Самозванецъ. Только въ этомъ случаѣ его слова не противорѣчатъ тому несомнѣнному факту, что царь еще черезъ Власьева приглашалъ Сигизмунда на свою свадьбу. Эта ошибка въ сборникѣ, издаваномъ Тургеновымъ, повторена Костомаровымъ въ его „Монографіяхъ“. Т. IV, стр. 350.

²⁾ „Hist. Russiae. Monumenta“, т. II, стр. 110—112.

— Радъ Бога, — прошепталъ онъ, — пойдите за кубкомъ, его императорское величество сердатся; будетъ очень дурно, если вы этого не исполните!

Госневскій колебался нѣкоторое время, но зная горячность Самозванца, боялся, чтобы, въ случаѣ упорства съ его стороны, дѣйстви-тельно не случилось бѣды; поэтому онъ исполнилъ приказаніе царя.

Затѣмъ Дмитрій пилъ за здоровье другихъ присутствовавшихъ, которые, всѣ по очереди, подходили къ трону и получали изъ рукъ царя кубки съ виномъ ¹⁾.

Два дня спустя (22-го мая) Дмитрій пригласилъ польскихъ пословъ и нѣкоторыхъ родственниковъ государыни на вечеръ. Изъ русскихъ на этомъ вечерѣ присутствовалъ только Петръ Басмановъ. Во время ужина, по польскому обычаю, играла музыка и у стола прислуживали поляки; послѣ ужина были танцы.

15-го мая, послы, по приглашенію Дмитрія, отправились снова во дворецъ. Онъ принялъ ихъ, сидя на тронѣ, окруженный боярами и придворными. Послы были тотчасъ приглашены въ сосѣднюю комнату, гдѣ имъ предложили приступить къ переговорамъ по поводу возложеннаго на нихъ королевемъ польскимъ порученія, — заключить съ Дмитріемъ союзъ для веденія совмѣстно войны съ невѣрными.

Условія, на коихъ Рѣчь Посполитая хотѣла заключить союзъ съ Дмитріемъ, были подробно изложены въ инструкціи, данной посламъ; приводимъ важнѣйшія изъ нихъ.

Прежде всего, Сигизмундъ требовалъ возвращенія княжествъ Смоленскаго и Сѣверскаго, а даже Пскова и Великаго Новгорода, или, по крайней мѣрѣ, значительной части этихъ земель, входившихъ нѣкогда въ составъ великаго княжества Литовскаго. Затѣмъ, онъ требовалъ, чтобы Дмитрій помогъ ему вернуть шведское королевство, дозво-лялъ бы польскому войску безпрепятственно пройти чрезъ свои владѣ-нія и снабжалъ бы его, во время пребыванія въ Россіи, съѣстными припасами. Взаимно этого Сигизмундъ обѣщалъ помочь Дмитрію въ борьбѣ съ татарами и съ турецкимъ султаномъ. Въ случаѣ согласія съ его стороны, послы были уполномочены заключить съ царемъ «вѣчный миръ», въ силу котораго монархи обязывались оказывать другъ другу взаимно помощь и поддержку и не заключать съ прочими государствами никакихъ договоровъ безъ взаимнаго согласія.

Въ случаѣ кончины короля польскаго, Рѣчь Посполитая обязыва-лась не приступать къ избранію новаго короля, не спросивъ совѣта московскаго царя; а если бы царь скончался, не оставивъ мужскаго потомства, то ему долженъ былъ наследовать король польскій.

¹⁾ Нѣкоевскій, тамъ же, к. 34. 37.

Подданнымъ обоимъ монарховъ предоставлялось право пріобрѣтать осѣдлость въ союзномъ государствѣ, пріобрѣтать въ немъ недвижимое имущество и занимать государственныя должности; они могли пользоваться свободою торговли; польскіе купцы получали право безпрепятственно проѣзжать черезъ русскія земли въ Персію, а московскіе купцы — черезъ Польшу въ нѣмецкія и другія европейскія государства.

Такъ какъ во владѣніяхъ короля польскаго существовали православныя церкви и никому не воябранялось совершать богослуженіе по православному обряду, то король требовалъ, чтобы въ Московскомъ государствѣ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ его городахъ, поляки имѣли право строить костелы и учреждать при нихъ школы и коллегіи, въ которыхъ русскіе, наравнѣ съ католиками, могли бы обучать своихъ дѣтей.

Въ обоимъ государствахъ предполагалось ввести однообразную монетную систему и монархи обязывались общими силами соорудить флотъ. Король польскій долженъ былъ доставить для этого «опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ матросовъ, а царь московскій — «дерево для постройки судовъ, смола, кудель, конопля, масло и желѣзо»¹⁾

При дворѣ короля польскаго не льстили себя надеждою, что царь охотно согласится заключить миръ на такихъ условіяхъ, но для заключенія союза рѣшено было употребить всевозможное стараніе; между прочимъ, для достиженія этой цѣли сендомірскому воеводѣ велѣно было употребить все свое вліяніе на Дмитрія.

Въ тотъ день, когда послы были приглашены для совѣщанія съ боярами, эти условія ими не обсуждались, ибо бояре заявили, что царь самъ намѣренъ, въ скоромъ времени, обсудить, вмѣстѣ съ ними, этотъ вопросъ²⁾, до чего дѣло, однако, не дошло, ибо Дмитрій, какъ извѣстно, былъ убитъ два дня спустя.

Въ тотъ же день были приглашены, на обѣдъ къ царю, родственники и друзья государыни и одавѣ възъ пословъ; послѣ обѣда происходили танцы.

За обѣдомъ Дмитрій пилъ за здоровье посла Олесницкаго и пожа-

¹⁾ Rps. Muz. XX Szartor. 101 (№ 7) и 2101 (стр. 25—40).

Эти условія, въ общихъ чертахъ, вполне согласуются съ условіями „вѣчнаго мира“, который польскій король предлагалъ заключить Борису Годуну черезъ Льва Сапѣгу въ 1600 г. (Wf Trębickiego, „Poselstwo Lwa Sapiehy w. r. 1600 do Moskwy“ и т. д. Grodno, 1846, стр. 29—40). Таковыя же предложенія были сдѣланы польскими уполномоченными во время переговоров о заключеніи мира въ 1634 г. (А. Малиновскій—„Истор. доказательства о давнемъ желаніи польскаго народа присоединиться къ Россіи“. „Труды общества исторіи и древн. росс.“, ч. VI, стр. 54—58 и 240—244).

²⁾ „Hist. Russiae Monum.“, т. II, стр. 116.

ловаль ему золотой кубокъ, цѣнностью въ 300 дукатовъ, въ которомъ лежалъ алмазъ, стоимостью въ 200 золотыхъ, и нѣсколько рубиновъ. Государыня также пила за его здоровье и пожаловала ему другой кубокъ.

«Царь пилъ также за здоровье всѣхъ насъ, сидѣвшихъ за столомъ, пашеть Нѣмоевскій, онъ самъ подзвалъ намъ кубки и подчивалъ насъ, но не предлагалъ намъ взять съ собою кубки, что нашимъ очень хотѣлось».

Въ тотъ же день вечеромъ, всендѣзъ Савицкій имѣлъ съ Димитріемъ продолжительную и весьма любопытную бесѣду, о которой онъ передаетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: «25-го мая царь пригласилъ меня къ себѣ чрезъ одного изъ своихъ служителей. Придя во дворецъ, я засталъ его одного, сидящимъ на тронѣ. Привѣтствуя его съ почтениемъ, подобающимъ столь великому монарху, я поцѣловалъ его руку и затѣмъ, въ краткихъ словахъ, пожелалъ ему счастливаго царствованія и всякаго благополучія. Онъ отвѣчалъ мнѣ весьма любезно, что онъ радъ видѣть меня въ добромъ здоровьи, и увѣрилъ въ своей благожелательности. Тогда я вручилъ ему письмо отъ генерала нашего ордена и передалъ ему нѣсколько незначительныхъ подарковъ, присланныхъ имъ и св. отцомъ. Онъ принялъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, а затѣмъ подозвалъ меня и предложилъ мнѣ пройтись по комнатѣ и разговаривать съ нимъ. Исполняя его желанія, я воспользовался случаемъ и заговорилъ о вопросахъ, касающихся нашей религіи; напоминая ему его планы, я просилъ его положить мнѣ какъ можно обстоятельнѣе, думаетъ ли онъ привести ихъ въ исполненіе, такъ какъ я посланъ сюда съ цѣлью узнать его дальнѣйшія намѣренія и сообразоваться съ ними. Димитрій сказалъ, что іезуитамъ слѣдовало бы основать, въ Москвѣ, коллегію, что онъ очень желаетъ, какъ можно скорѣе, имѣть въ своемъ государствѣ школы, кои бы завѣдывали бы опытные учителя; а когда я замѣтилъ, что это не можетъ осуществиться особенно скоро, такъ какъ необходимо прежде всего собрать и подготовить учениковъ, то онъ отвѣчалъ, что все-таки желаетъ, чтобы занятія начались какъ можно скорѣе, хотя бы на первыхъ порахъ пришлось привезти учениковъ откуда-нибудь на его счетъ. Я ничего не возразилъ на это, не смѣя сказать откровенно, что я не одобряю его плана; я сказалъ только, что мы исполнимъ его желаніе по мѣрѣ возможности. Тогда онъ быстро перемѣнилъ разговоръ и сказалъ, не помню по какому поводу, что онъ сформировалъ большое войско, тысячъ во сто, но не рѣшилъ еще, противъ кого онъ поведетъ его,—противъ невѣрныхъ или противъ какого-либо другого монарха. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться на короля польскаго за то, что онъ не даетъ ему подобающаго титула; царь выражался о его величе-

ствѣ съ большимъ негодованіемъ. Я постарался вывѣдать, думаетъ ли онъ отправить меня обратно или хочетъ оставить въ Россіи. Когда онъ отвѣтилъ, что хотѣлъ бы видѣть меня тутъ, то я попросилъ его облегчить мнѣ доступъ во дворець, чтобы я могъ свободно видѣться съ нимъ всякій разъ, какъ я пожелаю. Онъ изъявилъ на это свое согласіе, тотчасъ позвалъ одного изъ своихъ секретарей и въ моемъ присутствіи приказалъ ему впускать меня всегда, когда я пожелаю. Такъ какъ день клонился уже къ вечеру, то онъ сказалъ, что поговорить со мною подробнѣе въ другой разъ, ибо ему хочется еще навѣстить свою мать; побесѣдовавъ съ часъ, онъ простился со мною весьма милостиво¹⁾.

Изъ разказа, передаваемого ксендзомъ Савицкимъ, вытекаетъ ясно, что весь этотъ разговоръ, въ общемъ и въ частности, не былъ дѣломъ случайнымъ, а былъ начатъ Димитріемъ съ извѣстной цѣлью и заранѣе обдуманъ. Также ясно, что Самозванецъ не имѣлъ никакого желанія говорить съ нимъ о религіи, такъ какъ онъ уклонился стѣ обсужденія этихъ вопросовъ. Главною его цѣлью было, очевидно, высказать свое недовольство Сигизмундомъ и, оказавъ ласковый приемъ ксендзу Савицкому, поддержать этимъ добрыя отношенія къ іезуитамъ. Высказавъ, во время разговора, какъ бы нечаянно свое неудовольствіе относительно короля, Димитрій какъ-будто хотѣлъ этимъ оправдать свои враждебныя замыслы противъ него; какъ оказывается, Самозванецъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву Мвишека и его пріятелей, въ числѣ которыхъ находился Мартинъ Стадницкій, родной братъ старосты жигвульскаго, вошелъ въ близкія сношенія съ партіей, враждовавшей съ королемъ польскимъ, и рѣшилъ не только помочь его врагамъ деньгами²⁾, но даже послать въ Польшу войско, подъ командою одного изъ Шуйскихъ³⁾.

Выполненію этихъ плановъ помѣшала враги Самозванца, не отказавшіеся отъ своего замысла погубить его.

Къ сожалѣнію, Димитрій самъ много помогъ имъ въ этомъ случаѣ своими поступками, давъ окружающимъ такіе поводы къ неудовольствію противъ него, которые несомнѣнно имѣли не малое вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій. Такъ, напримѣръ, еще 20-го апрѣля онъ пригласилъ нѣсколькихъ знатныхъ бояръ на обѣдъ, на которомъ, между прочими кушаньями, была подана телятина. Василій Шуйскій, согласно съ существовавшимъ въ Москвѣ предразсудкомъ, убѣждалъ царя, что

¹⁾ Велевицкій, тамъ же, стр. 145—147.

²⁾ Пирлингъ, тамъ же, стр. 142.

³⁾ „Rps. Bibl. Jagiell“, 102, стр. 458. На сеймѣ 1611 г., каштелянъ калышскій, Адамъ Стадницкій, укорялъ Мвишека въ томъ, что у него часто бывалъ староста жигвульскій.

телятиву не годится ѣсть. Въ спорѣ выѣшался Михаилъ Татищевъ, который порицалъ царя въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что Самозванецъ, выведенный изъ себя его дерзостью, даже отпразднвалъ его въ ссылку. Хотя онъ и позволилъ ему вернуться въ столицу, двѣ недѣли спустя, но онъ создалъ этимъ себѣ врага, тѣмъ болѣе опаснаго, что Татищевъ пользовался большимъ вліяніемъ и имѣлъ большія связи ¹⁾.

Еще болѣею ошибкою было то обстоятельство, что свадебныя празднества происходили 18-го и 19-го мая (9-го и 10-го мая ст. ст.) въ тѣ дни, когда православная церковь празднуетъ перенесеніе мощей св. Николая Чудотворца и когда по древнему обычаю не бываетъ обыкновенно ни обрученій, ни свадебъ. Уже самый бракъ царя съ католичкой не могъ нравиться ревностнымъ послѣдователямъ православной церкви; еще болѣе должно было озлобить ихъ пренебреженіе этимъ стариннымъ обычаемъ ²⁾.

Поляки своимъ поведеніемъ также возбуждали ропотъ противъ Дмитрія. По свидѣтельству современниковъ, многіе изъ нихъ держали себя съ русскими крайне надменно и ослобляли ихъ своимъ презрительнымъ отношеніемъ. Жалобы по этому поводу возросли, въ особенности послѣ пріѣзда Марини съ ея святою и слугами. Многіе поляки были размѣщены въ квартирахъ въ домахъ московскихъ мѣщанъ, купцовъ и даже нѣкоторыхъ знатныхъ бояръ. Это подало поводъ къ многочисленнымъ спорамъ и столкновеніямъ, которые еще болѣе возстановляли всѣхъ противъ этихъ иноземцевъ.

Неудовольствіе возросло, когда, во время празднествъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе Дмитрія, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ на свадьбу гостей и ихъ прислуга позволили себѣ, въ нетрезвомъ видѣ, оскорблять русскихъ. Шумныя удовольствія, сопровождавшія бракосочетаніе царя, музыка, пѣсни, танцы поражали православныхъ, къ этому вовсе не привыкшихъ, тѣмъ болѣе, что эти забавы происходили вблизи церквей и монастырей.

Приверженцы Шуйскаго ловко стумѣли воспользоваться всѣми этими ошибками Дмитрія и его друзей. Они громко говорили, что царь, который поступаетъ подобнымъ образомъ, не можетъ быть сыномъ Іоанна Грознаго, а еретикомъ и самозванцемъ, который намѣренъ уничтожить православную вѣру и даже не прочь истребить весь русскій народъ. Въ доказательство своихъ словъ они приводили, что неда-

¹⁾ Маржеретъ, тамъ же, стр. 130—131.

²⁾ Какъ говоритъ вполне справедливо о. Левицкій въ своей статьѣ „Игнатій, названный патриархъ московскій“ („Странникъ“, 1881 г., октябрь, стр. 218), въ этомъ слѣдуетъ особенно ввѣрить патриарха, который обязанъ былъ удержатъ отъ этого Дмитрія, незнакомаго съ русскими обычаями.

ромъ оны привезъ съ собою изъ Польши такъ много вооруженныхъ людей.

Въ Польшѣ всѣмъ и каждому были извѣстны близкія отношенія, существовавшія между Димитріемъ и іезуитами. Это обстоятельство чрезвычайно тревожило диссидентовъ, которые видѣли въ русскомъ царѣ единственнаго и могущественнаго покровителя своей вѣры. Положимъ, Димитрій вовсе не думалъ исполнять обѣщанія, данныя папѣ и іезуитамъ, но диссидентскіе епископы, а именно епископъ львовскій и пшемысльскій, сочли своею обязанностью предостеречь патріарха и дѣйствительно писали объ этомъ въ Москву. Письмо подобнаго содержанія доставилъ въ Москву нѣкто Коронка, львовскій мѣщанинъ, котораго бояре, несмотря на оказанную имъ услугу, выдали впоследствии польскимъ посланъ ¹⁾.

Заговорщики не теряли времени. Въ домѣ Василя Шуйскаго происходили, по ночамъ, тайныя сборища и дѣятельныя совѣщанія. Кромѣ Шуйскихъ у него собирались многіе бояре и богатые купцы; на эти совѣщанія приглашались также сотники, отправлявшіеся въ Елецъ, при помощи которыхъ думали поднять войско. Кромѣ того, Шуйскіе вызвали изъ помѣстій своихъ крѣпостныхъ и дворовыхъ, которыхъ они слѣшно вооружали ²⁾.

На этихъ собраніяхъ было рѣшено воспользоваться недовольствомъ народа противъ Димитрія и поляковъ и какъ можно скорѣе произвести мятежъ. Сигналомъ долженъ былъ служить колокольный звонъ во всѣхъ столичныхъ церквахъ. По этому сигналу заговорщики должны были ворваться въ Кремль съ крикомъ, что поляки хотятъ убить царя; а когда чернь бросится во дворы, занятые заговорщиками, то рѣшено было убить сперва Самозванца, а затѣмъ всѣхъ бывшихъ въ то время въ Москвѣ поляковъ.

Приготовленія къ мятежу, разумѣется, не могли остаться совершенно въ тайнѣ, тѣмъ болѣе, что, начиная съ 22-го мая, агенты Шуйскихъ открыто волновали народъ на площадяхъ. Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ тѣлохранителемъ Димитрія, который стащилъ его во дворецъ. Самозванецъ велѣлъ допросить его, но бояре, которые были въ заго-

¹⁾ Нѣмовскій, тамъ же, в. 61.—Rps. Bibl. Ossol. 2431, к. 19.

²⁾ Piasecki, Chronica и т. д. (Cracoviae, 1645), стр. 286. Заговорщики вошли въ сношеніе также съ королемъ шведскимъ, ибо Карлъ IX уже въ началѣ февраля 1606 года поручилъ своимъ комиссарамъ въ Финляндіи войти въ сношеніе съ врагами Димитрія и подтвердить имъ, что „король шведскій готовъ принять ихъ подъ свое покровительство, а если бы нѣкоторые изъ нихъ захотѣли поселиться въ Швеціи, то всѣ они найдутъ у него защиту и полную безопасность“ Г. Форстенъ -- „Политика Швеціи въ смутное время“ „Журналъ мнв. народн. просвѣщенія“, ч. CCLXI, стр. 30.

ворѣ, увѣрили Самозванца, что это пьяница, слова котораго не заслуживаютъ вниманія, къ тому же народъ такъ любитъ царя, что ему не страшны никакіе измѣнники ¹⁾).

Нѣсколько дней спустя, нѣмцы и другіе благожелатели поляковъ предостерегали ихъ, что бояре и народъ собираются напасть на нихъ. И дѣйствительно, въ ночь съ 24-го на 25-е мая около дома, въ которомъ жилъ князь Вишневецкій, собралась толпа народа, видимо собиравшася разграбить его, но заговорщики сами удержали отъ этого народъ, вѣроятно опасаясь преждевременно выдать свои замыслы ²⁾).

26-го мая въ Москвѣ снова распространились подобныя слухи. «Мы сказали объ этомъ нашимъ, пишетъ Нѣмоевскій, которые имѣли доступъ къ государю, совѣтуя имъ предостеречь его и разслѣдовать это дѣло».

Воевода сандомирскій пошелъ къ царю и разсказалъ ему все слышанное, совѣтуя быть осторожнымъ и разузнать, откуда могли идти эти слухи. Но государь былъ чрезвычайно недоволенъ и сказалъ:

— Удивляюсь, что вы позволяете докладывать себѣ такія смелги.

Воевода отвѣчалъ:

— Осторожность никогда не мѣшаетъ, поэтому совѣтую и вашему величеству быть осторожнымъ.

На это Дмитрій возразилъ:

— Ради Бога, батюшка, не говорите больше объ этомъ, мнѣ неприятно слышать это отъ васъ. Мы сами знаемъ, какъ управлять государствомъ. Не найдется человѣка, который могъ бы въ чемъ-нибудь упрекнуть насъ, а если бы мы замѣтили что-либо подобное, то въ нашей власти—въ одинъ день лишить всѣхъ жизни!

Воевода замолчалъ и, вручивъ Дмитрію болѣе ста прошеній, поданныхъ ему русскими, уѣхалъ къ себѣ ³⁾).

Самозванецъ дважды присылалъ къ посланцъ Бучинскаго, велѣвъ ему успокоить ихъ, но они не раздѣляли его увѣренности и тотчасъ поставили на посольскомъ дворѣ стражу и дали знать всѣмъ полякамъ, чтобы, въ случаѣ какой-либо опасности, они спасались къ нимъ.

Подобныя мѣры предосторожности принялъ также Мишекъ и его сынъ, староста самопкій; они поставили у себя во дворѣ отряды пѣхоты, которые стояли ранѣе въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾).

Только царь не вѣрилъ этимъ вѣстямъ и считалъ себя въ полной безопасности.

¹⁾ Буссовъ, тамъ же, стр. 44 и 46.

²⁾ „Hist. Russiae Monum“, т. II, стр. 117.

³⁾ Нѣмоевскій, тамъ же, к. 40.

⁴⁾ Hist. Russ. Monum., тамъ же.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Дмитрій пригласилъ къ себѣ Нѣмоевского, который пріѣхалъ въ Москву, какъ мы уже говорили, по порученію королевы Анны, принялъ его очень ласково, осматривалъ привезенныя имъ драгоценности, сравнивалъ со своими и велѣлъ оставить ихъ у себя, чтобы лучше рассмотреть. «Затѣмъ онъ провелъ время со мною,—пишетъ Нѣмоевскій,—долго и дружески разговаривалъ, такъ что я ушелъ отъ него поздне часа. Но ему не долго суждено было любоваться этими драгоценностями» ¹⁾).

Въ ночь съ 26-го на 27-е мая были сдѣланы послѣднія приготовления къ бунту. У всѣхъ городскихъ воротъ были поставлены единомышленники Шуйскихъ, часть войска, стоявшаго лагеремъ подъ Москвою, была введена въ городъ. Для усиленія своихъ силъ, Василій Шуйскій выпустилъ даже изъ тюрьмы арестантовъ.

На разсвѣтъ, какъ было условлено, зазвонили во всѣхъ церквяхъ въ колокола. Заслышавъ звонъ, Дмитрій выбѣжалъ изъ спальни и спросилъ о причинѣ этого у своего привратника, Андрея Бонаха.

— Въ городѣ пожаръ,—отвѣчалъ Бонахъ, который также былъ въ заговорѣ ²⁾).

Заговорщики дѣлали, между тѣмъ, свое дѣло. Въ то время какъ одни изъ нихъ подстрекали народъ противъ поляковъ и бросались во дворы тѣхъ домовъ, гдѣ они жили, другіе, подъ предводительствомъ Шуйскихъ, Голицыныхъ и Михаила Татищева, напали на Кремль и овладѣли имъ безъ труда, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Нѣмоевского, дворцовыя ворота не запирались даже на ночь; хотя возлѣ нихъ стояли стрѣльцы, но съ ними не трудно было справиться, такъ какъ, сложивъ оружіе, они стояли у воротъ съ одними палками. Одни изъ нихъ поспѣшно спрятались, а другіе убѣжали ³⁾).

Дворецъ охранялся, обыкновенно, отрядомъ тѣлохранителей Дмитрія, состоявшемъ изъ ста человекъ, но въ ту ночь ихъ было всего пятьдесятъ, остальные наканунѣ были отпущены по домамъ Васиціемъ Шуйскимъ, якобы по приказанію самого царя.

Услыхавъ крика и шумъ приближающейся толпы, Самозванецъ позвалъ Басманова, который спалъ въ передней у царя, и поручилъ

¹⁾ Нѣмоевскій, тамъ же.

²⁾ Нѣкоторые русскіе историки, руководствуясь дневникомъ посла Олесницкаго, говорятъ, что Самозванецъ спросилъ о причинѣ трезвона у Дмитрія Шуйскаго. Это весьма мало вѣроятно, такъ какъ трудно объяснить себѣ, что могъ дѣлать въ эту ночную пору во дворцѣ Дмитрій Шуйскій. Гораздо вѣроятнѣе рассказъ всевѣда Савицкаго, что царь обратился съ этимъ вопросомъ къ своему привратнику Андрею Бонаху. (Велевидскій, тамъ же, стр. 147—148).

³⁾ Нѣмоевскій (Rps. Bibl. Ossolins. 2552), к. 41.

ему разузнать, что за причина такого шума. Басмановъ вышелъ и спросилъ, отчего собрался народъ.

Народъ отвѣчалъ ему ругательствами и криками:

— Подай намъ своего государя, мы хотимъ съ нимъ поговорить!

Этотъ отвѣтъ и дерзкія слова мятежниковъ не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ихъ намѣреній. Поэтому Басмановъ не велѣлъ стражникамъ никого впускать и, вернувшись къ царю, закричалъ:

— Ахъ, государь, ты самъ виноватъ, коли не слушаешь нашихъ предостереженій!

Въ то время, когда они совѣщались о томъ, что предпринять, во дворецъ проникъ дьякъ Тимошей Осиповъ, ярый приверженецъ православной вѣры и старинныхъ обычаевъ, и сталъ грубыми словами поносить Дмитрія.

Самозванецъ, думая, что онъ можетъ повліять своимъ присутствіемъ на толпу, вышелъ на крыльцо, окруженный стражемъ, и взявъ алебарду отъ одного изъ своихъ тѣлохранителей, погрозилъ ею толпѣ и закричалъ:

— Я не буду поступать съ вами такъ, какъ Борисъ Годуновъ!

Ни эта угроза, ни появленіе царя, не произвела на толпу ни малѣйшаго впечатлѣнія. На его слова отвѣчали выстрѣлами, такъ что ему пришлось поспѣшно скрыться.

На крыльцѣ собрались главные заговорщики-бояре. Старшій изъ нихъ, Василій Шуйскій, побуждалъ своихъ людей напасть на дворецъ.

— Кончайте ваше дѣло, — кричалъ этотъ непримиримый врагъ Дмитрія, — если вы теперь не убьете этого «вора», то онъ велитъ всѣмъ вамъ отрубать головы!

Тогда къ нимъ вышелъ Басмановъ и старался просьбами отклонить ихъ отъ злодѣйскаго замысла. Но его слова не произвели никакого впечатлѣнія, а Михаилъ Татищевъ, одинъ изъ предводителей мятежниковъ, осыпавъ его бранью, нанесъ ему смертельный ударъ кожемъ.

Смерть Басманова раззадорила нападавшихъ, которые стали лезть во дворецъ. Какъ только имъ удалось разломать ворота, часть стражи перешла на ихъ сторону. Тогда царь, съ пятнадцатью преданнѣйшими ему тѣлохранителями спрятался въ слѣдующую отъ сѣней комнату, коей двери были ими заложены; когда ихъ начали рубить, то онъ хотѣлъ спастись бѣгствомъ. Пробѣжавъ черезъ крыльцо около спальни Марини, онъ закричалъ ей въ окно:

— Другъ мой, измѣна!

Видя, что всѣ двери и выходы были заняты заговорщиками, онъ спрятался въ баню, находившуюся за комнатами царицы, откуда хотѣлъ спуститься, по столбу, на землю ¹⁾. Но въ эту минуту его нагналъ

¹⁾ Нѣмоевскій, въ первой редакціи своихъ записокъ.

одинъ изъ бунтовщиковъ, и когда онъ стоялъ уже на окнѣ, то онъ сбросилъ его однимъ ударомъ на землю ¹⁾).

Упавъ съ высоты около двадцати локтей, Дмитрій сломалъ ногу и застоналъ отъ боли. Нѣсколько стрѣльцовъ, изъ престонородья, подняли его и привели въ чувство. Прийдя въ себя, онъ умолялъ ихъ защитить его отъ Шуйскихъ и отвести его на площадь, находившуюся передъ дворцомъ, гдѣ онъ хотѣлъ говорить съ народомъ. За эту услугу онъ обѣщалъ щедро вознаградить ихъ.

Это было для него, дѣйствительно, единственнымъ спасеніемъ, ибо народъ любилъ его и думалъ, что поляки убиваютъ царя.

Въ эту минуту подоспѣли заговорщики. Стрѣльцы храбро встрѣтили ихъ и дали по нимъ залпъ, но когда заговорщики пригрозили имъ, что они отправятся въ ихъ кварталъ и убьютъ ихъ женъ и дѣтей, то они отступили. Бояре схватили Дмитрія и повели его обратно во дворецъ, гдѣ въ то время уже свирѣпствовала толпа.

Проходя, въ сѣняхъ, мимо своихъ тѣлохранителей, которые были арестованы и обезоружены, Дмитрій залился слезами и, какъ бы желая поблагодарить ихъ за службу, взялъ одного изъ нихъ за руку и дружески пожалъ се.

Бояре привели его въ одинъ изъ покоевъ дворца; тутъ произошла въ высшей степени омерзительная и гнусная сцена. Сначала они били его, а затѣмъ, снявъ съ него одежду и одѣвъ на него рубище, начали варварскимъ способомъ издѣваться надъ нимъ.

— Смотрите!— кричали они,— вотъ царь, самодержецъ всея Россіи!

— Такой-то царь и у меня есть на конюшнѣ!— закричалъ одинъ изъ бояръ.

Другіе проклинали его и осыпали самой площадной бранью.

Одинъ изъ самыхъ ярыхъ ударилъ его по лицу и спросилъ:

— Скажи, кто ты такой? Откуда ты родомъ и какъ звали твоего отца?

Дмитрій отвѣчалъ на это:

— Вы знаете, что я вашъ царь и сынъ царя Ивана Васильевича. Спросите о томъ у матери моей или сведите меня на Лобное мѣсто и дайте мнѣ говорить съ народомъ!

— Царица Марѣя отрекается отъ тебя,— сказалъ князь Иванъ Голицынъ,— и говоритъ, что ты не ея сынъ.

Эта вѣсть быстро разнеслась въ народѣ, который повѣрилъ ей, такъ какъ ее подтвердилъ Василій Шуйскій, чуть не цѣлый часъ говорившій съ народомъ, стараясь возбудить его противъ царя. Разъяренная толпа стала кричать:

¹⁾ Велевидкій, тамъ же, стр. 148.

— Не жалѣйте его! убейте этого «вора».

Въ то время, какъ они кричали, къ Дмитрію подошелъ Григорій Валуевъ и сказалъ:

— Я благославляю этого польскаго вертопраха,—выстрѣлили въ него изъ ручной пищали.

Дмитрій зашатался и упалъ на землю. Заговорщики бросились на умирающаго, стали бить и колоть его и страшно надъ нимъ надругались. Наконецъ, снявъ съ него одежду, они повлекли его, голаго, на площадь, вмѣстѣ съ трупомъ Басманова. Проходя мимо Вознесенскаго монастыря, они остановились и спросили царицу Марю, ея ли сынъ Дмитрій. По словамъ однихъ, она отвѣчала отрицательно, по словамъ другихъ, отвѣтъ ея былъ уклончивый.

Пришедши на Красную площадь, убійцы положили тѣло Дмитрія на Лобномъ мѣстѣ, на маленькую подставку, а у его ногъ положили Басманова. Эти два трупа, подъ охраною стражи, оставались тутъ три дня на поруганіе толпы. На Дмитрія была надѣта маска, а въ ротъ ему была воткнута дудочка.

Совершивъ расправу надъ Самозванцемъ, толпа бросилась въ покои царицы. Марина хотѣла спрятаться въ подвалъ, но не чувствуя себя тамъ въ безопасности, она вскорѣ вернулась къ своимъ прислужницамъ. Ея положеніе было тѣмъ ужаснѣе, что при ней не было ни одного мужчины, кромѣ нѣсколькихъ служившихъ ей отроковъ; старшій изъ нихъ, ея камердверерь, Янъ Осмолюскій, довольно долго сопротивлялся нападавшимъ и только будучи раненъ нѣсколькими выстрѣлами, палъ въ неравной борьбѣ. Чернь бросилась на него и изрубилла его на куски, а затѣмъ, ворвавшись въ покои Марины, которая спряталась за своими прислужницами, начала бить ихъ съ страшнымъ ожесточеніемъ.

Осыпая испуганныхъ женщинъ ругательствами, злодѣи кричали:

— Гдѣ вашъ царь, гдѣ ваша царица?

Воспитательница Марины, Казановская, отвѣчала:

— Ея величество, царицу, мы отвели сегодня утромъ къ ея отцу, пану воеводѣ, а гдѣ царь,—вамъ это должно быть лучше извѣстно.

На ихъ счастье, въ это время вошло нѣсколько бояръ, которые прекратили это безобразіе, прогнали толпу и прислали для охраны женщинъ стражу. Но они приказали тотчасъ опечатать всѣ ихъ вещи, такъ что несчастныя женщины остались чуть не въ однихъ рубашкахъ. Одна изъ нихъ, въ которую выстрѣлили во время этого нападенія, умерла нѣсколько дней спустя.

Подобныя сцены разыгрывались во всѣхъ кварталахъ, гдѣ жили поляки. Особенно страшная рѣзня происходила на Никитской и прилегающимъ къ ней улицамъ, гдѣ жила большая часть свиты царицы. Ихъ

было нѣсколько сотъ человѣкъ, но такъ какъ они были размѣщены по разнымъ домамъ, то не могли оказать другъ другу никакой помощи.

Точно также чернь бросилась съ неслышанной яростью на дома, въ которыхъ жили польскіе вельможи съ своими слугами; это входило въ планъ, составленный заговорщиками, которые хотѣли, такимъ образомъ, помѣшать имъ придти на помощь царю. Но тутъ борьба оказалась неравною, такъ какъ во дворахъ вельможъ была масса польскихъ солдатъ, которые превышали ихъ численностью и гораздо лучше ихъ были вооружены, поэтому всѣмъ тѣмъ, которые не поддались коварнымъ обѣщаніямъ и уговорамъ нападавшихъ, удалось, въ концѣ концовъ, отъ нихъ отбиться.

Особенное вниманіе было обращено заговорщиками на домъ воеводы, который находился въ самомъ Кремлѣ, такъ что если бы его люди успѣли во время приближать во дворецъ, то они легко могли бы заштитить Самозванца. Чтобы предупредить эту возможность, заговорщики, овладѣвъ дворцомъ, тотчасъ приказали окружить со всѣхъ сторонъ домъ Миншека и никого не выпускать изъ него.

Въ Кремль также не были впущены польскіе солдаты, которые, услышавъ о происшедшемъ мятежѣ, тотчасъ двинулись ко дворцу, но не могли попасть въ него, такъ какъ всѣ улицы были заставлены рогатками и заполнены войскомъ ¹⁾.

Самая ожесточенная борьба происходила возлѣ дома, занимаемаго княземъ Вишневецкимъ, коего люди защищались такъ храбро, что убили до 300 русскихъ ²⁾.

Нѣкоторымъ другимъ полякамъ также удалось оборониться отъ мятежниковъ, но въ общемъ, во время этого бунта, погибло до 500 поляковъ, въ томъ числѣ ксендзь Францискъ Помасскій, убитый въ то время, когда онъ служилъ обѣдню. Столько же, если не болѣе, погибло при этомъ черни; также не мало убито иностранныхъ купцовъ, прибывшихъ въ Москву съ товарами.

Число жертвъ было бы еще значительнѣе, если бы бояре, послѣ смерти Дмитрія, не постарались успокоить чернь и помѣшать дальнѣйшимъ неистовствамъ. Конечно, Шуйскіе и прочіе заговорщики дѣлали это не изъ состраданія къ пріятелямъ Самозванца, а изъ боязни мести со стороны Рѣчи Посполитой; поэтому они особенно охраняли польскихъ пословъ и всѣхъ ихъ слугъ и приближенныхъ.

Тѣла Дмитрія и Басманова лежали три дня на Красной площади; на четвертый день Басманова похоронили родные, возлѣ одной изъ московскихъ церквей, а надъ Самозванцемъ сжалился одинъ купецъ,

¹⁾ Hist. Russiae Monum., т. II, стр. 174.

²⁾ Тамъ же, стр. 175. Масса, тамъ же, т. I, стр. 168, кн. II, стр. 181.

который рано утромъ велѣлъ вывезти его останки за городъ и закопать ихъ въ открытомъ полѣ.

Нѣсколько времени спустя, разнесся слухъ, что надъ его могилкою показываются ночью какіе-то таинственные огоньки.

Его вырыли изъ земли, возили снова по городу и надругались надъ нимъ, и, наконецъ, обливъ его смолою, сожгли на кострѣ, а пепель тщательно собрали и, зарядивъ имъ пушку, выстрѣлили изъ нея. Вѣтеръ разнесъ этотъ пепель по всему свѣту и враги Димитрія радовались, что онъ никогда не воскреснетъ и не появится даже на страшномъ судѣ.

Два дня спустя послѣ смерти Самозванца, бояре избрали на престолъ Василія Шуйскаго.

XV.

Ошибочный взглядъ на Димитрія современниковъ и потомства. — Характеристика Самозванца.

Несмотря на то, что личность Самозванца возбуждала всегда живой интересъ и заставила много говорить о себѣ, рѣдко можно встрѣтить человѣка, о которомъ современники и потомство составили бы себѣ столь превратное мнѣніе. Это объясняется до нѣкоторой степени причинами религіознаго характера, и отчасти тогдашними политическими событіями.

Стараясь чѣмъ-либо оправдать его убійство, бояре торжественно объявили, нѣсколько дней спустя послѣ его смерти, что Димитрій былъ не только тиранъ, развратникъ и святотатецъ, но что онъ замышлялъ многое ко вреду народа и всего государства, а именно, хотѣлъ уступить Польшѣ Смоленскъ, а Миншекамъ отдать Псковъ и Новгородъ, своею расточительностью разорилъ казну и собирался даже уничтожить православную вѣру и истребить знатнѣйшихъ бояръ. Грамоты, въ которыхъ были изложены эти обвиненія, были разсланы во всѣ города и, конечно, должны были произвести сильное впечатлѣніе на возмужавшіе умы народа.

Два мѣсяца спустя послѣ смерти Димитрія разнеслась вѣсть, что онъ не былъ убитъ во время московскаго бунта, но что ему удалось спастись бѣгствомъ. При этомъ извѣстїи на югѣ вспыхнулъ мятежъ, во главѣ котораго сталъ Болотниковъ, и къ столицѣ подошло вскорѣ довольно сильное войско. Тогда появилась извѣстная «челобитная» или «извѣтъ чернеца Варлаама», написанная по приказанію Шуйскаго и имѣвшая

дѣлю доказать, что Самованецъ былъ на самомъ дѣлѣ бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, еретикъ и чародѣй¹⁾.

Въ томъ же духѣ написано однимъ изъ его приверженцевъ, такъ называемое «Иное сказаніе», которое служило долгое время однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Смутаго времени и имѣло большое вліяніе на позднѣйшія повѣствованія объ этой эпохѣ.

Не одни русскіе изображали характеръ и дѣйствія Самованца въ столь невыгодномъ для него свѣтѣ; такъ-же недоброжелательно отзывались о немъ иностранцы: протестанты потому, что они смотрѣли на него какъ на орудіе Рима и іезуитовъ, а католики потому, что онъ обманулъ ихъ ожиданія и не оправдалъ надеждъ, которыя они возлагали на него.

Всѣ историческія изслѣдованія о Самованцѣ, вышедшія изъ-подъ пера русскихъ авторовъ, были проникнуты крайне враждебнымъ и въ высшей степени пристрастнымъ отношеніемъ къ нему. Нѣтъ того преступленія, нѣтъ того злодѣянія, которое бы они ему ни приписывали; лишь въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ встрѣчаются о немъ болѣе безпристрастныя сужденія.

Что же это былъ за человекъ, возбудившій противъ себя такую вражду въ современникахъ и въ потомствѣ?

Нѣкоторыя обвиненія, вводимыя на него, разумѣется были справедливы.

Димитрій любилъ весело пожить, велъ даже разгульную жизнь, былъ легкомысленъ, расточителенъ и вспыльчивъ, а по вступленіи на престолъ выказывалъ огромную самоувѣренность, иной разъ былъ даже чрезвычайно заносчивъ и гордъ. Но послѣдній упрекъ можетъ быть если не всецѣло, то въ значительной степени оправданъ. Его завели на Самованца заграничныя писатели, привыкшіе къ западно-европейскимъ обычаямъ и обхожденію, тогда какъ въ Москвѣ господствовали въ то время совершенно иныя понятія, и цари окружали себя ореоломъ строгости и недосягаемаго превосходства. Димитрій, вопреки существовавшему обычаю, старался быть болѣе доступенъ своимъ подданнымъ, но убѣдившись въ томъ, что это чрезвычайно не нравилось боярамъ, и не желая слишкомъ возстановлять ихъ противъ себя, онъ сталъ держать себя болѣе замкнуто и высокомерно.

Но если бы онъ даже и заслуживалъ этого упрека, то этотъ недостатокъ искупался его несомнѣнными достоинствами.

Всѣ, кто зналъ Самованца лично, свидѣтельствуютъ единогласно,

¹⁾ Костомаровъ („Кто былъ первый Лжедимитрій“, стр. 17—24) и проф. Платоновъ „Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутаго времени“, (стр. 9—11) доказали, что этотъ „Извѣтъ“ не заслуживаетъ ни малѣйшей вѣры.

что онъ обладалъ выдающимися способностями и хотя не получалъ основательнаго образованія, но отличался широтою взглядовъ и возвышеннымъ образомъ мыслей. Съ этими качествами соединялось огромное честолюбіе, которое заставляло его мечтать о смѣлыхъ предпріятіяхъ, которыя могли принести пользу не только его странѣ, но всему христіанскому міру.

Вступивъ на московскій престолъ, онъ доказалъ, что онъ вполнѣ понималъ свои обязанности и нужды народа. Онъ старался улучшить администрацію, судопроизводство, положеніе народа и поднять его экономическое благосостояніе. Понимая, что этому мѣшали частые набѣги татаръ, онъ началъ тотчасъ по вступленіи на престолъ приготовленія къ походу, чтобы разъ навсегда прекратить эти набѣги и уничтожить ихъ разбойничье гнѣздо.

Онъ хотѣлъ также развить въ Россіи образованіе и поднять нравственный уровень народа. Съ этой цѣлью, по словамъ Нѣмоевского ¹⁾, «онъ хотѣлъ дать боярамъ нѣкоторыя права и вызвать ученыхъ изъ за границы, а именно изъ Франціи», мечталъ объ основаніи школъ и о посылкѣ за границу способнѣйшихъ молодыхъ людей, для дальнѣйшаго образованія ²⁾.

Димитрій былъ краснорѣчивъ и обладалъ особымъ умѣньемъ снискать расположеніе людей. Онъ относился пренебрежительно къ другимъ религіямъ и поему для достиженія политическихъ цѣлей не задумался разыграть роль искреннаго католика, а затѣмъ православнаго, но былъ глубоко убѣжденъ въ великихъ истинахъ евангельскаго ученія и придавалъ болѣе значенія правильному ихъ пониманію, нежели соблюденію обрядовъ и вообще наружныхъ знаковъ богопочитанія. Онъ стоялъ гораздо выше своихъ современниковъ въ томъ отношеніи, что не былъ суевѣренъ, не вѣрилъ въ чары и волшебство, въ ворожбу и всякіе подобнаго рода предрасудки ³⁾.

Въ личныя отношеніяхъ это былъ человекъ весьма доступный; онъ увлекался всякимъ смѣлымъ поступкомъ или замысломъ, былъ храбръ, энергиченъ, одаренъ замѣчательной физической силою и, несмотря на свой горячій и вспыльчивый нравъ, быстро забывалъ обиды и былъ великодушенъ даже по отношенію къ своимъ врагамъ.

¹⁾ Нѣмоевскій, тамъ-же, к. 66.

²⁾ Буссовъ, тамъ-же, стр. 38. Впрочемъ, эта мысль не была совершенной новостью въ Москвѣ, ибо уже Борисъ Годуновъ послалъ въ 1602 г. въ Англію патерыхъ молодыхъ людей для обученія ихъ латинскому, англійскому и инымъ языкамъ (Пекарскій, Извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ для обученія наукамъ въ Англію въ 1601 г. Записки Императ. Акад. Наукъ. т. II, окт. 93).

³⁾ Масса, тамъ-же, т. I, стр. 149, т. II, стр. 160—161.

Вопросъ о происхожденіи этого человѣка, одареннаго столь богатыми качествами ума и сердца, весьма естественно живо интересовалъ всѣхъ историковъ. Русскіе писатели до послѣдняго времени утверждали единогласно, что это былъ бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ. Костомаровъ первый доказалъ несостоятельность этого мнѣнія ¹⁾. Почти одновременно съ нимъ Н. Павловъ, стараясь примирить существовавшее мнѣніе о происхожденіи Самозванца съ тѣмъ, которое было высказано митрополитомъ Платономъ, а именно, что онъ былъ ставленникомъ Рима и іезуитовъ, высказалъ предположеніе, будто въ Россіи появились одновременно два самозванца: первый изъ нихъ, подставленный боярами, врагами Бориса Годунова, былъ несомнѣнно Отрепьевъ, а второй, которому подъ именемъ Димитрія удалось вступить на московскій престолъ, былъ подставленъ единомышленниками этихъ бояръ, литовскими магнатами ²⁾.

Нѣкоторые другіе писатели, какъ напр. Добротворскій ³⁾ и Казанскій ⁴⁾ безуспѣшно пытались вновь доказать, что Димитрій былъ не кто иной какъ Гришка Отрепьевъ.

Въ послѣднее время восторжествовало окончательно мнѣніе Костомарова, что Димитрій и Отрепьевъ были двѣ совершенно разныя личности.

Не далѣе какъ въ 1894 г. профессоръ Д. И. Иловайскій высказалъ предположеніе, что первый Самозванецъ происходилъ изъ среды мелкопомѣстнаго русскаго дворянства и что, живя съ малыхъ лѣтъ, въ качествѣ слуги, въ домѣ Юрія Мнишека, онъ страстно влюбился въ его дочь Марину и эта кокетливая и честолюбивая полька подала ему мысль разыграть роль убитаго царевича Димитрія и такъ завлекла бѣднаго дворянчика, что онъ рѣшился достигнуть московскаго престола, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ получить руку Марины ⁵⁾.

Совершенно противоположное всѣмъ вышеприведеннымъ взглядамъ мнѣніе высказываетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Пирлингъ, который признаетъ перваго Самозванца истиннымъ сыномъ Іоанна Грознаго, стараясь этимъ оправдать близкія сношенія, въ которыя вступила съ нимъ апостольская столица.

Что Димитрій былъ самозванецъ, это утверждали рѣшительно всѣ

¹⁾ Кто былъ первый Лжедимитрій. Спб. 1864 г.

²⁾ „Правда о Лжедимитріи“. „Рус. Архивъ“, т. II, стр. 525—566.

³⁾ „Кто былъ первый Лжедимитрій?“ (Вѣстникъ Западной Россіи, 1866, кн. IV—VII)

⁴⁾ „Изслѣдованіе о личности Лжедимитрія“ (Рус. Вѣстникъ, т. 130, стр. 465—507).

⁵⁾ Смутное время Московскаго государства. Москва. 1894 г., стр. 338 и 384.

здравомыслящіе люди въ Польшѣ, даже ничего не знавшіе объ его происхожденіи; такъ напр. Замоискій публично заявлялъ на сеймѣ, что онъ считаетъ разсказъ о чудесномъ спасеніи царевича реблеческимъ вымысломъ.

То же самое высказывали позднѣе тѣ лица, которые были посвящены въ тайны этого дѣла, какъ-то: Басмановъ, Сигизмундъ III, Левъ Сапѣга, близкіе родственники семейства Мишекъ: Мартинъ Стадницкій и Генбицкій, великій коронный канцлеръ. Многие изъ нихъ говорили, что его манеры и поведеніе изобличали въ немъ поляка, и что его русскій выговоръ напоминалъ иностранца¹⁾. Личный характеръ Самозванца, совершенно не походившій на характеръ прежнихъ царей²⁾ и напоминавшій многими чертами западно-европейца, служитъ вѣскимъ доказательствомъ того, что Дмитрій не былъ сыномъ Іоанна Грознаго и вообще не могъ быть русскимъ. Это обстоятельство весьма важно, ибо мы знаемъ, что онъ не могъ приобрести этихъ качествъ воспитаніемъ, такъ какъ онъ былъ почти необразованъ³⁾; слѣдовательно эти черты характера были въ немъ врожденны.

Онъ побудили Иловайскаго видѣть въ немъ поляка или, лучше сказать, ополяченнаго русскаго дворянина. Но врядъ ли можно допустить, чтобы самый способный дьячекъ или мелкопомѣстный дворянинъ могъ сыграть роль московскаго царя такъ великолѣпно, съ такимъ глубокимъ пониманіемъ достоинства монарха, какъ разыгралъ ее первый Самозванецъ?⁴⁾ Такой самоувѣренности не можетъ дать ни образованіе, ни даже величайшее нахальство—ее можетъ дать только глубокая увѣренность въ своемъ царственномъ происхожденіи.

Въ Польшѣ и въ сосѣднихъ съ нею странахъ было довольно распространено мнѣніе, что Дмитрій былъ незаконнымъ сыномъ одного изъ монаховъ. Объ этомъ доносилъ между прочимъ въ началѣ 1604 г. такъ называемый корреспондентъ, т. е. австрійскій агентъ въ Краковѣ, увѣдомлявшій свой дворъ о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ, происшедшихъ въ Польшѣ⁵⁾. О томъ же доносили Рудольфу II его комис-

¹⁾ Его обвиняли также и въ томъ, что онъ не былъ знакомъ съ обрядами православной церкви; быть можетъ поэтому многие называли его „царемъ польскимъ“ (Буссовъ, тамъ-же, стр. 43, 50) или считали его полякомъ (тамъ-же, стр. 39, 44, 46); Маржереть, тамъ-же, стр. 153 и 158.

²⁾ Это говорилъ уже Буссовъ (тамъ-же, стр. 39).

³⁾ Нѣмовскій говоритъ о немъ: „онъ былъ совсѣмъ необразованъ; умѣлъ читать по-русски и по-польски“ (тамъ-же, к. 66). Какъ мало онъ былъ образованъ, доказываетъ лучше всего автографъ его перваго письма къ папѣ, обнаруженный о. Пирлингомъ.

⁴⁾ На эту черту характера Самозванца особенно указываетъ Маржереть и Руссель.

⁵⁾ Zeitung aus Crakau vom 13 Januarii 1604. (Arch. ces. w. Wiedniu Polonica, 1604).

сары Юрій Гофманъ и Карлъ Имгофъ изъ Колошвара, 12-го октября 1604 г. ¹⁾. Въ юль мѣсяцѣ 1605 г., во время перваго заговора Шуйскихъ, ихъ единомышленники также разглашали, что Самозванецъ былъ польскимъ королевичемъ ²⁾. Даже самъ Василій Шуйскій, въ письмѣ къ архіепископу рагувскому Мацѣю (брату Рудольфа II), писанномъ въ маѣ мѣсяцѣ 1607 г., называлъ Самозванца не Гришкой Отрепьевымъ, а «иноземнымъ князькомъ» ³⁾. То же говоритъ о немъ въ сочиненіи о Смутномъ времени Вильямъ Руссель, англичанинъ, пребывавшій въ то время въ Москвѣ ⁴⁾. Конрадъ Буссовъ говоритъ еще обстоятельнѣе чей сынъ былъ Самозванецъ и сообщаетъ даже отъ кого онъ это слышалъ.

Извѣстія, сообщаемыя Буссовымъ, заслуживаютъ вниманія, такъ какъ его совершенно нельзя сравнивать съ другими писателями, которые повторяли только ходячіе слухи. Онъ собиралъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ изъ разныхъ источниковъ и, обладая обширнымъ умомъ, относился къ нимъ критически. Буссовъ прожилъ въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ и обо всемъ происходившемъ въ Кремлѣ получалъ обстоятельныя свѣдѣнія отъ нѣмцевъ, служившихъ въ царской гвардіи. Онъ былъ также близокъ съ Басмановымъ. Послѣ смерти Дмитрія онъ пробылъ довольно долгое время въ Калугѣ, гдѣ часто проводилъ время въ обществѣ знатныхъ польскихъ вельможъ и отъ нихъ то онъ и слышалъ, что Самозванецъ былъ незаконнымъ сыномъ Стефана Баторія ⁵⁾.

Подобное свѣдѣніе встрѣчается еще въ одномъ письмѣ того времени; а именно объ этомъ доносилъ Петръ Жеромскій епископу Рудницкому, 26-го января 1606 г., прибавляя, что это мнѣніе весьма распространено въ Литвѣ ⁶⁾.

Съ этимъ согласуется и вышеприведенное мнѣніе Василя Шуйскаго и его приверженцевъ о томъ, что Самозванецъ былъ польскій королевичъ, и оно объясняется обстоятельствами семейной жизни Стефана Баторія.

Стефану было 42 года, когда онъ былъ избранъ на польскій пре-

¹⁾ Hormuzaki, Documente privitoare la Istoria Romanilor. т. IV, ч. I, стр. 397.

²⁾ Объ этомъ доносилъ изъ Москвы Вислоухъ. (Rps. Bibl. Ossol. 2284, стр. 157).

³⁾ „... einen fremden vermeineten Fürsten, welcher sich Demetrium des Kayzers Sohn genennet“ (Ludewig, Reliquiae manuscriptorum и т. д., т. VI, стр. 362).

⁴⁾ Rousseel, тамъ-же, стр. 4.

⁵⁾ Буссовъ, тамъ-же, стр. 19 и 63.

⁶⁾ Rps. Muz. XX Czartor. 101, № 5 и 342, стр. 198.— Маржеретъ, тамъ-же, стр. 153.

столю, а жена его, Анна изъ семейства Ягеллоновъ, была стара и некрасива ¹⁾). Ихъ отношенія были весьма холодныя; король жилъ большею частью въ Литвѣ, в королева жаловалась на то, что супругъ совершенно забываетъ ее ²⁾). Очевидно нельзя предполагать, чтобы Баторій, при его пыломъ темпераментѣ, жилъ аскетомъ, но такъ какъ онъ проживалъ большею частью въ Гроднѣ и строго соблюдалъ наружное приличіе, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что до насъ не дошло подробныхъ свѣдѣній о его интимной жизни въ Литвѣ. Зато современники и въ особенности литовскіе магнаты могли имѣть о ней самыя точныя свѣдѣнія. Извѣстіе, сообщаемое Буссовымъ, кажется весьма правдоподобнымъ, такъ какъ прекрасно объясняетъ поведеніе въ этомъ дѣлѣ Мнишека и характеръ самого Дмитрія. Если кромѣ смуглаго цвѣта лица, между Самованцемъ и королемъ Стефаномъ не было особеннаго сходства въ наружности, зато ихъ характеръ поражаетъ сходствомъ.

Самую выдающуюся чертою характера Самованца была его страсть къ смѣлымъ и рискованнымъ предпріятіямъ. Таковымъ былъ его походъ для завоеванія обширнаго Московскаго государства; этою же чертою были отмѣчены и дальнѣйшіе его воинскіе планы. Надобно замѣтить, что почти всѣ современные ему члены польской королевской семьи отличались такою же страстью къ смѣлымъ предпріятіямъ и замысламъ. Андрей, племянникъ короля Стефана, который былъ кардиналомъ и епископомъ варминскимъ, а впоследствии, вопреки трактатамъ, заключеннымъ съ рагузскимъ домою, княземъ Трансильваніи, погибъ въ неравной борьбѣ, затѣянной имъ для достиженія его честолюбивыхъ плановъ. Такова же была судьба его предшественника и двоюроднаго брата Сягизмунда, «князя Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи» и скромнаго князя на Ополѣ и Рациборѣ, который былъ то гонителемъ, то приверженцемъ іезуитовъ, то врагомъ, то другомъ Габсбурговъ. Этотъ удивительный человекъ, благодаря своей страсти къ новымъ, еще болѣе смѣлымъ предпріятіямъ, провелъ остатокъ своихъ дней въ плѣну у австрійцевъ. Таковъ же былъ характеръ и самого короля Стефана, коего соперничество въ-за польской короны съ могущественнымъ вѣнецкимъ императоромъ также было предпріятіемъ въ высшей степени смѣлымъ и рискованнымъ.

Баторій обладалъ, какъ извѣстно, всѣми качествами благоразумнаго монарха и искуснаго политика. Онъ искренно желалъ блага своихъ подданныхъ и умѣлъ снискать ихъ любовь своимъ гуманнымъ обхожденіемъ. Хотя онъ былъ очень вспыльчивъ, но могъ быстро подавить

¹⁾ Королева Анна род. въ 1523 г.

²⁾ Stan. Reszka, *Diarium. Rps. Bibl. Jagiell.* 2199, k. 58. *Przeidzecki, Jagellonski pols. w. XVI wieku*, т. IV, стр. 222.

гнѣвъ и легко забывалъ нанесенныя ему оскорбленія, а своимъ великодушіемъ онъ приобрѣлъ даже расположеніе своего соперника на престолѣ Трансильваніи, Каспара Бекеша. Извѣстна также любовь Баторія къ наукамъ и въ особенности къ военному дѣлу, въ которомъ онъ стремился къ нововведеніямъ и усовершенствованіямъ и самъ охотно занимался военными упражненіями. Онъ былъ страстный охотникъ и отличался необычайной энергіей.

Всѣ эти черты характера мы видимъ и въ Самованцѣ.

Хотя, несмотря на все сходство характера Баторія и Самованца, трудно рѣшить важный вопросъ о происхожденіи Дмитрія, основываясь единственно на свѣдѣніи, сообщаемомъ однимъ писателемъ, какъ бы онъ ни заслуживалъ довѣрія, но можно сказать, что если источники, доступные историкамъ въ настоящее время, не дадутъ еще возможности окончательно объяснить загадку о его происхожденіи, то въ нихъ находится масса фактовъ, подтверждающихъ, что Самованецъ не былъ простымъ искателемъ приключеній.

Хотя Дмитрій не былъ особенно красивъ собою, но въ его наружности и обхожденіи было что-то необыкновенное ⁴⁾, что привлекало къ нему людей. На аудіенціяхъ у короля польскаго и у нунція, онъ умѣлъ согласовать приличную его положенію скромность, съ чувствомъ собственнаго достоинства. Точно также онъ держалъ себя и съ польскими вельможами, и съ знатнѣйшими московскими боярами. Вообще въ его обхожденіи съ подданными было замѣтно истинно царское величіе. Благодаря этимъ свойствамъ характера онъ приобрѣлъ, несмотря на провски враговъ, вліяніе сперва на войско, а затѣмъ на народъ. Такая самоувѣренность могла быть результатомъ только глубокаго убѣжденія въ его высокомъ происхожденіи, которое ставило его гораздо выше самыхъ знатныхъ бояръ и дѣлало его равнымъ прочимъ монархамъ.

Это убѣжденіе и внушило ему тѣ великіе планы, выполненіе которыхъ могло принести огромную пользу всему христіанскому міру. Трудно сказать, чѣмъ окончилась бы задуманная имъ война съ турками, но она повела бы несомнѣнно къ сближенію Московскаго государства съ другими, болѣе цивилизованными державами; что, въ связи съ заботами о распространеніи въ Россіи образованія, вывело бы ее лѣтъ на сто ранѣе на путь западно-европейской цивилизаціи.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

⁴⁾ Клавдій Рангони даже пишетъ о немъ въ своемъ донесеніи отъ 13-го марта 1604 г.: „...ha veramente del grande“ (Ширлингъ, тамъ же. Pièces justif., ч. II, стр. 178).